

ТАТЬЯНА МА

ЗАТОЧЁННАЯ
В ЗЕРКАЛЕ

ТАЙНЫ СТАРЫХ УСАДЕБ

Татьяна Ма

Заточённая в зеркале

«Автор»

2026

Ма Т.

Заточённая в зеркале / Т. Ма — «Автор», 2026

ефавратор Рада приезжает в старинную усадьбу «Ольховка», чтобы вернуть к жизни знаменитую Зеркальную галерею. Но в доме, хранящем память о роде Бесчастливых, ее ждет не только профессиональный вызов. Работа осложняется присутствием археолога Алексея Иволгина, бывшего возлюбленного, чье предательство она не может простить. Алексей раскапывает под старинной церковью страшную находку — скелет цыганки, убитой два века назад. С этого момента покой Ольховки рушится. Раду преследуют видения, а в черном зеркале она видит не свое отражение, а образ несчастной девушки в старинном платье. Раде и Алексею предстоит объединить усилия, чтобы распутать клубок тайн и загадок. Им нужно понять, что связывает цыганку, черное зеркало и несчастную девушку, отражение которой постоянно появляется в зеркале

© Ма Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	45
Глава 14	47
Глава 15	50
Гл	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Ма

Заточённая в зеркале

Глава 1

Ольховка, наше время

— Кто ты? — спросила Рада отражение в зеркале.

Оттуда на нее смотрела не она сама, а изможденная особа с землистым цветом лица.

— Я — это ты, — едва разборчиво пробормотала незнакомка. — Я — это ты. Ты... Ты... Ты...

Резкий сигнал клаксона заставил Раду встрепенуться и взвизгнуть. Она рефлекторно ударила по тормозам, и машина, взревев, остановилась.

В ужасе девушка смотрела в зеркало заднего вида, где за поворотом дороги исчез автомобиль, в который она только что чуть не врезалась. Господи! Неужели она уснула за рулем? Впрочем, удивляться было нечему: бессонная ночь — и вот он результат.

Рада вылезла из машины, и в лицо ей тут же ударил порыв ледяного ветра. Он пробрал ее до костей, но мгновенно отогнал сонливость. Сделав несколько шагов в сторону, Рада остановилась. По обе стороны от дороги простирались поля, покрытые свежей, сочной, ярко-зеленой травой. Бешеный ветер гнал по небу рваные облака и яростно трепал молодую листву на паре березок, что росли на обочине. Вдалеке темнел массив Цнинского леса. До места назначения оставалось каких-то пять-шесть километров. Рада закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Хороша бы она была, если бы угодила в аварию на этой безлюдной дороге!

Вернувшись за руль, Рада потерла успевшие озябнуть руки, пристегнулась и медленно тронулась. Из головы не шло видение, которое ей успело присниться за те несколько секунд, что она клевала носом. Какое-то зеркало, странное отражение в нем... Наверное, виной тому ночные изыскания Рады: она шерстила интернет в поисках любой информации о зеркальных галереях, залипла на фотографиях с Версальской, а потом долго читала какой-то дурацкий сайт о том, что зеркала — это портал в другой мир.

— Вот бы Иволгин посмеялся, — пробормотала Рада себе под нос и тут же поморщилась. Нашла о ком вспомнить! Эта страница в ее жизни перевернута. Перевернута!

Через несколько минут густой лес закончился, а дорога сделала поворот, где Рада и свернула с основной трассы на грунтовку, что вилась меж деревьями. Вскоре они поредели, дорога вновь стала прямой и ровной и вывела путницу к имению Ольховка.

Старинная усадьба вынырнула из-за леса и поприветствовала Раду свежевыкрашенными голубыми стенами, белизной оконных рам и... совершенно запущенным садом.

Рада уже бывала здесь, но тогда нынешний хозяин имения Аркадий Федорович Скоробогатов, приобретший Ольховку больше года назад, нанял не Раду, а команду дизайнеров и реставраторов, работавших большой группой. Ему хотелось как можно скорее привести имение в жилой вид. Однако, когда дело дошло до обстановки, Аркадий Федорович понял, что не такого результата он хотел.

— Все это выглядит как кич, новодел, — говорил он Раде, — а я бы хотел, чтобы мои гости, приезжая в Ольховку, думали, что они очутились в старой уездной России. Понимаете? Я хотел бы аутентичности.

— Мне нужно оценить состояние усадьбы, понять, что уже сделано, что предстоит сделать, можно ли что-то восстановить.

И вот теперь, год спустя, Рада снова возвращалась сюда. «Кич» она оценила, еще даже не остановив автомобиля. Кислотно-голубая краска, в которую был выкрашен фасад, выжигала глаза, а пластиковые окна казались инородным вкраплением в старые стены.

Как только Рада заглушила двигатель и вышла из машины, на широком крыльце появился сам Аркадий Федорович. Его идеально уложенные густые волосы и строгий деловой костюм контрастировали со зданием, которое было образчиком зодчества позапрошлого столетия, и это тоже резало глаз. Хозяин и имение не сочетались друг с другом.

— Радослава Сергеевна, добро пожаловать! — Скоробогатов поприветствовал ее широкой улыбкой и крепким рукопожатием. — Как видите, ваш полигон в полном вашем распоряжении.

— Добрый день, Аркадий Федорович.

Он взглянул на ее машину.

— Как я понимаю, я вас не убедил привезти с собой команду?

— На первоначальном этапе я работаю одна.

— Ну что ж... спешить нам некуда. В этом году все равно не получится привезти сюда друзей, разве что к Новому году. Как думаете, удастся ли восстановить Ольховку за полгода?

— Затрудняюсь ответить, я ведь еще не видела, что успели сделать те, кого вы нанимали прежде.

— О, они успели многое! Но отделку закончили не везде. Пойдемте, я вам все покажу.

Он провел ее по анфиладе пустующих комнат, в которых гулким эхом разносились их шаги. Видимо, у дизайнеров из фирмы, которая реставрировала дом до Рады, было своеобразное представление об уюте и красоте старинных русских усадеб. Алые стены соседствовали с позолоченной лепниной потолка, ярко-розовая гостиная сменялась кричаще-оранжевой.

— Вижу, вам не нравится, — хмыкнул Аркадий Федорович. — Мне и самому не очень, но менять здесь я ничего не буду, пусть останется как есть. Разве что фасад перекрасим. А вот обстановку, Рада Сергеевна, я доверяю вам. Может, получится у вас как-то задрапировать эти яркие стены, приглушить краски.

Рада остановилась и сказала:

— Аркадий Федорович, я ведь не дизайнер интерьеров. — Голос ее прозвучал резче, чем она того хотела.

— Да-да, я прекрасно понимаю. Но вы ведь знаете, как оно должно быть, как было в те времена. Разве рука мастера, чувствующего дух эпохи, не сможет направить грубых исполнителей? Я найму мебельщиков, обойщиков, а вы будете их глазами и совестью.

Она уже хотела было сказать, что когда Аркадий Федорович снова обратился к ней, то разговора об интерьере не было, однако следующая его фраза заставила Радугу проглотить слова и согласиться.

— Мои рабочие, те, что здесь творили это безобразие, — он обвел рукой гостиную, в которой они стояли, — нашли сундук со старыми документами. Это было как раз накануне того, как я их всех выгнал к чертовой матери, поэтому документы никто толком не разбирал. Я лишь взглянул на них мельком, и, знаете что, Рада Сергеевна?

Скоробогатов посмотрел на Радугу глазами ребенка, у которого есть какой-то секрет и которому не терпелось этот секрет выболтать.

— Что?

— Кажется, это архив графа Бессчастливого.

— Графа Бессчастливого? — изумленно пробормотала Рада. — Того самого?

— Да-да, того самого, который и построил Ольховку. Ну, может, не прямо-таки его, но его потомков. Я, признаться, хотел их и сам почитать, но руки не доходили. Бизнес отнимает все мое время, — вздохнул он. — И я вот что подумал. — Аркадий Федорович потер руки.

— В этих бумагах наверняка могли завалиться какие-то скетчи или фотографии с интерьером комнат. Я вроде бы видел там план здания и парка...

Кажется, Аркадий Федорович каким-то шестым чувством понял, на какие кнопки нажимать, чтобы заставить Раду остаться и заняться не только зеркальной галереей, ради которой она, собственно, сюда и приехала, но и всем остальным.

— Что думаете, Рада Сергеевна?

Она почувствовала, как ее охватило знакомое чувство предвкушения.

— Бумаги графа Бессчастливого, говорите?

— Целый сундук, а может, и больше.

— Больше?

— Да, этот мы выволокли с чердака, но остальные не тронули. А их там с добрую дюжину. Рада долго молчала, а хозяин имения смотрел на нее с мольбой во взгляде.

— Что ж... Мне нужно подумать, — тихо произнесла Рада.

— Конечно, я вас никуда не тороплю, тем более покамест вам будет чем заняться, — хмыкнул он.

— Кстати, об этом, — встрепелась Рада. — Давайте взглянем на галерею.

— Конечно, — кивнул Аркадий Федорович. — Следуйте за мной.

Они вернулись в вестибюль и поднялись на второй этаж по широкой деревянной лестнице. Абсолютно новой, а не отреставрированной. Рада снова удрученно поморщилась.

Аркадий Федорович провел ее по длинному коридору и остановился у массивной, почерневшей от времени двери. Рада догадалась, что ее не трогали, как, видимо, и весь второй этаж. Здесь по-прежнему царил запустение, если не считать перестеленного паркета и строительной пыли, осевшей повсюду.

С усилием толкнув дверь, хозяин Ольховки замер на пороге.

Воздух, хлынувший им навстречу, был холодным и затхлым, словно дверь эту не открывали столетиями.

— Света здесь, к сожалению, нет, — сказал Аркадий Федорович, — и окон тоже.

Он включил фонарик на сотовом телефоне и осветил им помещение. Рада сделала то же самое.

Зеркальная галерея оказалась длинной, как тоннель, комнатой, уходящей вглубь дома. По обеим ее сторонам, в арочных нишах, висели зеркала — десятки потускневших, покрытых паутиной и вековой грязью осколков былой роскоши. Они отражали упадок, создавали призрачный, раздробленный мир, утопающий во мраке. Паркет под ногами казался крепким, но скрипел при каждом шаге и был до того истерт, что на нем не осталось ни капли лака.

Рада с интересом рассматривала помещение. Высокий потолок терялся в темноте, но фонарик не высветил ни одной люстры. Видимо, помещение в старину освещалась здесь исключительно свечами в канделябрах — недаром их здесь было великое множество. Некоторые из зеркал были разбиты. Кое-где их не хватало, и в нишах виднелись рваные шелковые обои, которыми когда-то были обтянуты стены комнаты.

Идя вдоль галереи, Рада вылавливала свое отражение, но оно казалось ей мрачным и едва заметным.

В конце галереи по центру стояло большое прямоугольное зеркало в раме из черного дерева. Резьба на оправе была замысловатой и представляла собой переплетение каких-то диковинных цветов и стеблей, в которых угадывались то ли звериные морды, то ли искаженные гримасами человеческие лица до того уродливые, что делалось жутко. Стекло, под толстым слоем пыли, кажется, было целым, но в нем абсолютно ничего не отражалось. От зеркала, от его черной, неподвижной глади, веяло таким безжизненным холодом, что Рада непроизвольно сделала шаг назад. Мгновенно девушку накрыло необъяснимой волной тоски и безысходности, она пошатнулась и чуть не упала. «Да что со мной?» — отругала себя мысленно Рада.

— Впечатляет, не правда ли? — голос Аркадия Федоровича выплыл из ниоткуда и заставил Раду вздрогнуть: она уже и забыла о том, что хозяин имения тоже здесь.

— Удивительно, — согласилась Рада. — Зеркальная галерея таких масштабов в такой глуши...

— Говорят, граф Бессчастный побывал в Версале, восхитился этим чудом и решил сделать у себя нечто похожее. Масштабы, конечно, не те, но все равно грандиозно.

— Не то слово, — пробормотала Рада.

— Кажется, зеркала, по крайней мере, вот это, — он кивнул на черное зеркало, возле которого они стояли, — выписывали когда-то из Венеции. А еще ходят слухи, что оно принадлежало самому Калиостро.

— Неужели? — Рада со скепсисом изогнула бровь.

— Все может быть, — рассмеялся Аркадий Федорович. — Вам предстоит вернуть ему жизнь.

— Я возьмусь за эту работу с удовольствием, — улыбнулась Рада.

Внезапно дверь за их спинами захлопнулась, и Аркадий Федорович испуганно охнул.

— Наверное, сквозняк, — сказала Рада.

— Да, они тут часто погуливают.

Не сговариваясь, они двинулись к выходу, с трудом открыли дверь и, кажется, облегченно выдохнули, снова оказавшись среди ярких стен и кричащих красок.

Выйдя на улицу, Аркадий Федорович протянул Раде связку ключей.

— Распоряжайтесь и хозяйничайте.

— Вы уезжаете?

— Да, мы с женой послезавтра улетаем на Мальдивы, а у меня еще немереный фронт работы в офисе фирмы, — ухмыльнулся он. — Как я и говорил ранее, вам удобнее всего будет расположиться в сторожке. Она во-он там.

Рада оглянулась и увидела проглядывающую сквозь густую листву белую стену небольшого домика.

— Там ремонт и все современные удобства. Если заскучаете, можете съездить в село. Впрочем, скучать вам вряд ли придется.

— Я уверена, что не придется, — вежливо улыбнулась Рада, — я буду работать. Кстати, а где тот сундук с документами, что вы нашли?

— Сундук? — Аркадий Федорович нахмурился. — Ах да, сундук... Кажется, его поставили в кабинет на первом этаже.

— Осталось понять, где здесь кабинет, — пробормотала Рада.

— Нет ничего проще, — ухмыльнулся Аркадий Федорович, — в нем черные стены.

Распрощавшись с Радой, он заспешил к припаркованному при въезде в усадьбу автомобилю, и вскоре уехал.

Рада же подогнала машину к сторожке и перенесла в дом свои вещи. Здесь и правда был сделан современный ремонт, имелась кухня, небольшая гостиная с камином, ванная. Дальше по коридору Рада обнаружила несколько дверей. Толкнув одну из них, она озадаченно отметила, что комната эта кем-то уже была занята. Здесь стояло несколько неразобранных дорожных сумок, а на кровати грудой лежала одежда. Странно... Может, забыл кто-то из тех, кто занимался восстановлением усадьбы до нее? Вроде бы Скоробогатов выгнал их месяца два назад.

Откуда-то издалека донесся гул, и Рада, застыв, прислушалась. Показалось?

Она вышла на порог сторожки и теперь отчетливо расслышала. Голоса. Мужской. Женский. Потом раздался взрыв смеха. А еще раздавался отрывистый стук молотка.

Сердце Рады ёкнуло. Скоробогатов сказал, что команда реставраторов и рабочих давным-давно покинула Ольховку. Кто же тогда стучит и смеется?

Любопытство, смешанное с раздражением, пересилило усталость. Она вышла из сторожки и двинулась на звуки. Ветер тут же рванул навстречу, хлестнул по лицу, словно дал оплеуху холодной ладонью, взлохматил волосы, закрывая обзор.

Голоса становились все отчетливее и доносились из-за угла главного дома, со стороны, обращенной к лесу и, если она не ошибалась, к реке.

Рада, движимая странным предчувствием, на мгновение замерла, а потом решительно завернула за угол...

Глава 2

Ольховка, наше время

Рада застыла, будто наткнувшись на невидимую стену. До того места, откуда доносился смех, было далеко, но теперь массив дома не скрадывал звуки, и Рада тут же смогла узнать этот бархатный, с легкой хрипотцой, знакомый до дрожи в коленях голос. Он эхом и болью отзывался в каждой клеточке ее тела. Теперь она не только слышала обладателя этого голоса, но и видела его. Иволгин. Алексей Иволгин.

— Вот уж точно, помянешь черта, он и явится, — пробормотала Рада.

Сердце совершило болезненный кульбит, застучав где-то в горле. Рада так и замерла возле боковой стены дома, под сенью развесистой ольхи.

Иволгин стоял к ней спиной, его широкие плечи были расслаблены. Он смеялся, закинув голову. Смеялся тем самым свойственным ему беззаботным смехом, который она так любила. А перед ним, оперев руки в бока, стояла девушка. Молодая, лет двадцати, с копной светлых непослушных кудрей, выбивавшихся из небрежного хвоста, в джинсах, запачканных землей. Она что-то говорила, глядя на Иволгина снизу вверх, и на ее лице играла такая живая, такая непринужденная улыбка, и смотрела она на Иволгина такими полными обожания глазами, что у Рады свело желудок.

Она зло сжала губы и даже прикусила щеку изнутри, чтобы причинить себе боль физическую и отвлечься от боли душевной. Год. Прошел почти год с той их последней ужасной встречи. Рада думала, что разочарование давно осталось в прошлом, как и ее чувства к Иволгину. Однако, стоило ей увидеть его, и они всколыхнулись вновь. «А он, судя по всему, давно излечился», — пронеслась в голове неприятная мысль.

Первым порывом Рады было уйти. Вернуться в сторожку, схватить свои сумки, затолкать их в машину и уехать. Но она тут же одернула себя. «Соберись, — приказала она себе мысленно, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Поступить хорошо предложением только из-за того, что натолкнулась на Иволгина? Это на тебя не похоже».

Сделав глубокий вдох, она вышла из-за угла. Под ее шагами захрустели сухие прошлогодние ветки, которых здесь отчего-то было немерено.

Алексей, словно почувствовав ее приближение — вряд ли он расслышал шаги с такого расстояния, — быстро обернулся. Его улыбка не столько исчезла, сколько застыла и превратилась в маску вежливого удивления. Но Рада, зная каждую его черту, уловила мгновенную вспышку чего-то иного в его глазах и поняла: Иволгин ни капельки не был шокирован ее появлением. Даже более того — он знал, что она приедет.

— Рада? — произнес он, когда она подошла к нему и девушке достаточно близко, в его голосе прозвучала явно отретпетированная неловкость. — Вот это встреча. Не думал, что наши пути снова пересекутся.

«Врешь, — пронеслось в голове у Рады. — Ты врешь, и ты знаешь, что я это вижу».

— Алексей, — кивнула она в знак приветствия, и собственный голос показался ей до странности плоским и чужим. — Какими судьбами?

— Этот вопрос должен задать тебе я, — расплылся в улыбке Иволгин, и теперь она была совершенно естественной. — Ведь я и моя команда приехали сюда первыми.

— Ты теперь работаешь в команде?

Он кивнул.

— Кстати, о команде. Познакомлю вас. — Иволгин повернулся к кучерявой блондинке, жестом приглашая ее встать рядом. — Это Диана, моя правая рука и студентка-археолог, подающая надежды.

— Наверняка огромные, — съязвила она.

— Здравствуйте, — радостно поприветствовала ее Диана, не замечая тона Рады. — Неужели вы та самая Радослава Сергеевна Пирогова?

Та самая? Рада нахмурилась. Иволгин успел рассказать про нее какие-то небылицы? Однако уже следующей фразой Диана сняла все подозрения Рады с ее шефа, сказав:

— Скоробогатов всю последнюю неделю только о вас и говорил, да и наш Кир тоже. Он ваш фанат.

— Кир? — Рада изогнула бровь.

— Это он. — Алексей помахал долговязому парню в очках, копошившемуся у ящика с находками. — Наш историк и живая энциклопедия. Его зовут Кириллом, но мы величаем его Киром Великим. Вавилон он не завоевывал и отцом народов пока еще не стал, но это только пока. Да, Диан? — Алексей по-свойски подмигнул помощнице, и та звонко рассмеялась.

Кир смущенно поправил очки и что-то пробормотал, помахав им рукой.

— Ну а там, в развалинах еще четверо. С ними познакомишься позже, когда они выкопают из окопов, — жизнерадостно заявил Алексей.

— Что вы здесь делаете? — спросила Рада, глядя прямо на молодого мужчину.

— Раскапываем историю, в прямом смысле этого слова, — улыбнулся он.

Рада перевела взгляд за его спину и вгляделась в остатки разрушенного строения, стены которого белели за ветвями деревьев. Кажется, когда-то это было небольшой церковью.

— Роешься в святынях? — не преминула уколоть археолога Рада.

— Скоробогатов нанял нас, — просто ответил он, не отреагировав на ее колкость. — Недавно в старой постройке провалился пол. А под ним обнаружили интересные вещи... Пустоты и... скелет. Так что теперь у нас здесь полноценные раскопки.

В его тоне не было ни капли смущения. Только деловой азарт. Случайность. Невероятная, почти смешная случайность. Или нет?

Диана отошла к Киру, оставив Иволгина с Радой поговорить тет-а-тет. Она тут же ехидно спросила:

— И все это... совершеннейшее совпадение? Ты не знал, что Скоробогатов нанял меня? Алексей вздохнул, и в этом вздохе Раде послышалось раздражение.

— Могу сказать честно, Скоробогатов на днях проговорился, что нанял тебя. Но это было лишь с неделю назад, Рада. Когда меня нанимали, здесь работала другая реставрационная команда, о тебе и речи не было. Я понятия не имел, что в итоге Скоробогатов выгонит их и обратится к тебе. — Заметив, что Рада хотела сказать что-то еще, он не дал ей сформулировать мысль. — И нет, я никак не поспособствовал их увольнению. Ты наверняка уже видела, что они сделали с интерьером дома. Удивительно, что наш наниматель не выгнал их раньше.

Рада, все это время смотревшая куда угодно, только не на Алексея, наконец-то взглянула на него. Посмотрела прямо в глаза и увидела в них ту самую лукавинку, прикрытую маской искренности, которую так ненавидела. Она знала, что Иволгин недоговаривает. А он знал, что она знает. Это было началом игры в недоговорки и недосказанности, и Раде это игра определенно не нравилась.

— Все еще думаешь, что я все подстроил?

— Я вообще о тебе не думаю, — холодно отрезала Рада.

Уголок его губ дрогнул, а лицо стало непроницаемым.

— Очень этому рад. Значит, мы можем спокойно работать бок о бок и не отвлекаться на посторонние мысли. Ты ведь именно такой образ жизни и любишь, верно? Одинокая, независимая и... несчастная.

С этими словами Алексей развернулся и пошел прочь.

— Я не несчастная! — вырвалось у Рады, но он уже ее не услышал.

Иволгин подошел к своей команде, и Диана, которую он назвал «правой рукой», тут же заливисто рассмеялась какой-то шутке обаятельного археолога.

Раду трясло от злости на саму себя. Слишком много эмоций. Слишком много эмоций она ему показывает!

Она быстрым шагом направилась к сторожке, где начала распаковывать вещи в занятой ею спальне.

Однако быстро опустившийся на Ольховку вечер стал для Рады новой пыткой. Оказалось, что команда Алексея тоже будет здесь жить. Ее одинокая крепость была захвачена вторжением чужих голосов, смеха и запаха готовящейся еды.

Когда Рада вышла-таки из своей комнаты, Кир и Диана весело возились на кухне, Алексей руководил процессом, разливал по кружкам лимонад и травил очередную байку.

— Не знала, что мы еще и соседями будем, — пробормотала она.

— Будем, — кивнул Иволгин. — Мы втроем перебрались сюда пару дней назад, как только в сторожке закончили ремонт. Поселились здесь, так как являемся мозгом всего предприятия. Да, Кир?

— Так точно, — хмыкнул парень и покраснел.

— Ну а наши копатели-лопатомахатели сняли комнату в общежитии в Ольховске. Это село, что...

— Я знаю, — перебила его Рада.

— Рада Сергеевна, присоединяйтесь к нам! У нас макароны по-флотски! — предложила Диана.

— Я не голодна, — соврала Рада, устраиваясь в кресле у камина с книгой, которую она специально прихватила, выходя из комнаты, будто собиралась читать.

Веселая троица уселась за большой стол, и их разговор, против ее воли, долетал до Рады.

— Тёма сказал, что завтра привезет палатки, и тогда они будут жить по-походному, прямо как пленные французы в тысяча восемьсот двенадцатом году, — сказал Кир.

— Пленные французы жили в казармах, — не удержалась Рада, — а офицеры, так тех вообще расселяли на квартиры.

— На квартиры? — спросила Диана.

— По имениям да усадьбам. Местная знать с удовольствием принимала французские чины.

— Вы права, Рада Сергеевна, — снова покраснев, сказал Кир. — Тогда здесь много военнопленных было.

— Интересно, а может, и в этом имении гостил какой-нибудь высокопоставленный француз? — улыбнулась Диана.

— Ага, сам принц Гогенлоэ, — улыбнулся Кир.

— Кто? — хлопнула ресницами Диана.

— Сейчас я тебе расскажу. Это был...

— Ну всё, Кир оседлал своего любимого конька, — хмыкнул Иволгин.

Рада отложила в сторону книгу, проклиная себя за то, что вмешалась в разговор, и, стараясь не привлекать к себе внимания, вышла из сторожки.

Ночной воздух обжег легкие холодом.

«Как холодно для мая», — подумала Рада. Она стояла, дрожа, и смотрела на темный силуэт усадьбы, чувствуя себя абсолютно, бесконечно одинокой. И несчастной.

Скрип двери заставил ее вздрогнуть. Она не обернулась. Знала, кто это.

— Замерзнешь, — произнес Алексей, останавливаясь в паре шагов позади нее.

— Оставь меня в покое.

— Не могу. — В голосе Иволгина больше не было привычной веселости и беззаботности — он стал серьезным.

— Почему?

— Ты прекрасно знаешь почему, — тихо ответил он.

Рада почувствовала его дыхание на своей шее, там, где начиналась линия роста волос.

— Рада...

— Иволгин, давай оставим прошлое в прошлом, ладно?

Она быстро шагнула в сторону, так же быстро вбежала в дом и скрылась за дверью своей комнаты.

Глава 3

Ольховка, 1812 год

Октябрь стоял тёплый настолько, что днем не топили, да и на ночь лишь слегка подтапливали в спальне Митеньки и графини. Катерина Дмитриевна Бессчастливая до смерти боялась сквозняков и простуды. Вот и сейчас она бранила Лизу за открытое окно в гостиной, где собрались женской половиной. Лиза ниже склонила голову над вышиванием и молчала, изредка поглядывая на кухню, Варвару, которая и напроказничала, отворив окно. И хоть сама Варя призналась матери, что это ее рук дело, графиня ее не слушала и продолжала выговаривать Лизе.

— Со свету нас сжить хочешь, Лизет? За всю нашу сердечность! Мы тебя приютили, приголубили, а ты насмехаешься.

Игла в ее руках порхала по канве с ювелирной точностью. На Лизу она не смотрела, но та даже так чувствовала все недовольство родной тетки.

— Что вы, Катерина Дмитриевна, Господь с вами, — еле слышно вымолвила Лиза.

Сидевшая неподалеку Варвара закатила глаза. В отличие от графини и Лизы, вышивание ей не давалось. Белоснежная ткань была заляпана красными пятнами — следы ее борьбы с ниткой и собственным нетерпением.

— Маменька, оставьте вы Лизет в покое, — взмолилась Варвара. — Говорено уж сто раз, это я открыла окно. Я!

— А все ж таки...

— Черт! — вдруг вырвалось у Варвары, когда игла снова вонзилась ей в палец. Она с силой отшвырнула вышивание на стол, и пальцы, с глухим стуком ударившись об него, шлепнулись на пол.

— Варвара Ивановна! — ахнула графиня. — У тебя язык и манеры кухаркиной дочки! Подними сейчас же.

Варвара упрямо поджала губы, скрестила руки на груди и сказала:

— И не подумаю.

Лиза молча встала и подняла пальцы с пола, положив их на стол.

— Не понимаю, зачем мне это нужно, — проворчала Варвара. — У нас же есть девки, пусть и вышивают.

— Это нужно для твоей выдержки и благонравия, — отчеканила графиня, не поднимая глаз от своей работы. — Приличная барышня должна уметь скрашивать досуг тихими занятиями. Впрочем, с твоим-то характером, это как медведя танцам учить.

Катерина Дмитриевна наконец-то оторвалась от работы и с укоризной взглянула на дочь. Хоть она и бранила ее, и учила уму-разуму, а все ж в Варваре души не чаяла. Красивая у них с графом дочка получилась. Загляденье!

Варвара звонко рассмеялась.

— А что? Говорят, у цыган медведи танцуют и на балалайке горазды!

— Свят-свят-свят, какие еще цыгане, — перекрестилась Катерина Дмитриевна.

В комнате воцарилась тишина. Отвлечшись на минутку от вышивания, графиня почувствовала, что утомилась. Да и скучно ей было просто так сидеть. Хотелось поговорить.

Она перевела глаза на племянницу, и тут же лицо ее скисло. Лиза ее Варварушке не чета. Бледная, угловатая, нервная. Ни себя подать не может, ни слова умного в беседу вставить. И надо было такой неказистой уродиться? А все почему? Потому что сестра ее, покойная Татьяна Дмитриевна, выбрала себе в мужа глупого, невзрачного Богатырева, что служил квартальным. Пожили они не так чтобы долго, Лизу на свет произвели, да и отдали богу душу. А Катерине

Дмитриевне теперь вот возись с этой сиротой. «Ладно была бы ласковая да тихая. А то вон как смотрит, будто я ей по гроб жизни должна», — размышляла Катерина Дмитриевна. И за что только ей такое наказание?

— Лизонька, покажи-ка. — Катерина Дмитриевна жестом подозвала племянницу.

Девушка, вздрогнув, поднялась и, потупив взгляд, подала свою работу тетке. Графиня взяла вышивание, покрутила, почти не рассматривая, и с брезгливым вздохом вернула обратно.

— И сама кривая, и шьешь так же, — прозвучал безжалостный приговор. — Стежки перетянуты, узелки кругом. Нет, никуда это не годится, — покачала головой она. — И чем же мы провинились перед Господом, что он так тебя обидел? Ни стати, ни красоты, ни даже сноровки в рукоделиях. Право, не знаю, что с тобой делать.

Каждое слово графини отзывалось в сердце Лизы тупой болью. И ладно было бы за что! Но ведь ни в чем Лиза перед графиней невиноватая. И вышивала она неплохо, может, даже получше самой Катерины Дмитриевны, но той никак не угодишь. Всегда она находила к чему придираться.

Лиза стояла, опустив голову, чувствуя, как жгучие слезы подступают к горлу. Она слотнула их, съежилась вся, словно пытаюсь исчезнуть. Ее пальцы с такой силой сжали вышивку, что костяшки побелели. В ушах звенели позорные слова. Кривая. Безрукая. Недотепа. Вот уже десять лет как Лиза осталась сиротой. Десять лет как живет в доме своей тетки графини Бессчастной. И ни дня не прошло, чтобы кто-нибудь ее не попрекнул или не назвал обидным словом. Она была чужой в этом доме. Нелюбимой, жалкой приживалкой. Разве что Варвара не понукала ей и даже оберегала, но от этого Лизе становилось еще более тошно. Знала она, как кузина смеется над ней за ее спиной, как пренебрегает ею и таскает везде за собой, как комнатную собачонку.

Внезапно дверь в гостиную распахнулась, и в нее, словно ураган, ворвался граф Иван Платонович Бессчастный. За ним следом шел поручик Дмитрий Остроумов. Оба были запыхавшиеся и чем-то взволнованные.

Суэта мгновенно сменила сонную обстановку. Графиня, встревожившись и разом вспенувшись, отложила пальцы. Лиза отошла в дальний угол и во все глаза удивленно смотрела на поручика, который подкручивал усы. Когда тот скользнул по девушке глазами, Лиза тотчас же покраснела и уткнулась глазами в пол. Эх, повезло Варечке с женихом!

Варвара же, словно ее ветром сдуло с кресла, подлетела к Дмитрию. Лицо ее оживилось оживлением.

— Дмитрий Евгеньевич! Вы обещали совершить со мной конную прогулку, но, я вижу, позабыли, — сказала она с притворным упреком, сверкая глазами и дуга губки.

Дмитрий, зардевшись, проговорил:

— Что вы, душа моя, Варвара Ивановна, я не забыл. Как я мог?

— Отчего же не приехали раньше? Я все утро ждала.

— Сегодня никак невозможно было, голубушка. — Дмитрий наклонился к ее руке, но Варвара игриво спрятала ее за спину и рассмеялась.

— В Спасске неразбериха, — вмешался Иван Платонович. — Прибыла партия пленных, много дел.

— Мать честная, — заохала графиня. — И по что нам напасть эта?

— Пленные? — Глаза Варвары заблестели интересом. — И французы есть, папенька?

— Есть, — кивнул граф и повернулся к Катерине Дмитриевне. — Одного как раз и везут к нам в Ольховку.

— К нам?! — Катерина Дмитриевна схватилась за сердце. — Зачем к нам?

— Раненый офицер. Шеф эскадрона. Свыше пришла директива — разместить офицерский состав по квартирам.

— Иван Платонович, да ты с ума сошел! — запричитала графиня. — Зачем же к нам этого супостата? А что, ежели он нам ночью глотки перережет?

Лиза, услышав это, судорожно перекрестилась, ее лицо вытянулось от страха.

— Глупости городишь, Катерина Дмитриевна, — покачал головой граф. — Высокопоставленный офицер требует особого отношения. Он, между прочим, виконт... али барон? — Граф посмотрел на Дмитрия, ища его помощи.

— Виконт. Арман де Клерман, — сказал Дмитрий. — Да вы не волнуйтесь, Катерина Дмитриевна, французские офицеры — все люди благородные.

— Французы! — мечтательно произнесла Варвара. — *C'est charmant!*

— Я сейчас лишусь чувств, — пробормотала графиня и начала хвататься за горло. — Плохо мне. Лиза! Неси нюхательную соль.

Лиза опрометью бросилась вон из комнаты.

— Полно, матушка, — рассмеялся граф. — Офицер этот без сознания, да и рана в бедро — не до резни ему. С таким-то ранением да по нашей лестнице, пока будет взбираться — отдаст Богу душу, — подмигнул он графине.

Та, однако, шутку Ивана Платоновича не оценила, а побледнев лицом, стала еще пуще обмахиваться вышивкой.

— Что наделал-то, Ваня! Что наделал, — плакалась Катерина Дмитриевна.

— Не мог я отказаться, душа моя. Никак не мог. Честь, знаешь ли, превыше всего.

Весть о скором прибытии француза разнеслась по Ольховке, как пожар. Стали готовить комнаты да суетиться с ужином.

Армана де Клермана привезли уже глубоким вечером. Четверо дюжих мужиков на грубо сколоченных носилках внесли француза в отведенную ему комнату на первом этаже. Он был без сознания, бледный как полотно, а его черные как смоль волосы слиплись на вспотевшем лбу. Синий мундир был расстегнут, и из-под него проглядывала серая от копоти и местами рваная рубаха. Нога была перебинтована свежей повязкой. Такая же была и на левой руке. Даже в беспамятстве его лицо с резкими, благородными чертами и упрямым подбородком хранило отпечаток гордости и воли. Варвара, украдкой смотревшая, как вносили француза, шепнула испуганной Лизе:

— Каков красавец!

— Страшен, аки диавол, Варенька.

— Глупости, Лизет. Он очень хорош. Главное, чтоб не помер.

Опустившаяся на Ольховку ночь укутала имение в покрывало тишины. Графиня Катерина Дмитриевна от треволнений слегла. Поручик Остроумов, распрощавшись с графом и Варварой, уехал восвояси. Всё замерло в доме.

Призрачной тенью Варвара скользнула по темному коридору. Задержав дыхание, спустилась по лестнице и пробралась к комнате, где лежал француз.

Открыв дверь, она вошла на цыпочках и замерла возле кровати. В комнате горела одна-единственная свеча, отбрасывая трепещущие тени на стены. Из окна сквозило, но воздух все равно был тяжелым от запаха крови, пота и лекарственных трав.

Варвара склонилась ближе, разглядывая офицера. Он был старше, чем она представляла раньше, лет тридцати с небольшим. Длинные черные ресницы отбрасывали на щеки густые тени. Даже в беспамятстве и бледности его чувствовалась какая-то животная сила, которая тут же заморозила Варвару. Казалось, даже теперь, когда он забылся сном, француз не был спокоен. В нем бурлили сила и отвага.

Вдруг его веки дрогнули. Он повернул голову, и его темные, еще мутные от боли и лихорадки глаза встретились со взглядом Варвары. Он смотрел на нее несколько секунд, словно не понимая, где он и кто она. Потом его губы тронула слабая, едва заметная улыбка.

— Suis-je mort? — прошептал он хриплым, надтреснутым голосом. — Il est mort et a vu un ange? (Неужели я умер? Умер и лицезрю ангела?)

Варвара застыла, пораженная его пробуждением, а еще более — словами. Щеки ее запылали румянцем смущения. Сердце забилося с такой силой, что девушка испугалась, как бы француз не услышал его стука.

Она не нашла, что ответить и, окончательно смутившись, резко развернулась, подхватила подол ночной сорочки и пулей вылетела из комнаты. Через мгновение, она, словно облако, растаяла в темноте коридора, оставив за собой легкий шелест ткани и приятный аромат, перебивший все другие запахи в комнате больного.

Виконт де Клерман с загадочной улыбкой на бледных губах уставился в потолок, пытаясь понять: было ли это чудное видение заправдашним или же порождением его бредового состояния.

Глава 4

Ольховка, наши дни

С утра было холодно. Солнце не смогло пробиться сквозь плотную пелену туч, а потому не давало тепла.

Рада, поднявшаяся на рассвете, пока команда Иволгина еще спала, сварила себе кофе и вышла с кружкой из сторожки, желая насладиться ранними безмолвными часами. Однако снаружи все казалось мрачным. Будто бы сама природа взирала на девушку с потаенной угрозой. Отчего-то даже птицы не пели, и ничто не нарушало гнетущего чувства, которое внезапно охватило Раду.

Допив кофе, она все же решила следовать ранее намеченному плану. Рада отнесла кружку в дом, прихватила сумку с необходимыми ей в работе вещами и направилась к усадьбе.

В царившем вокруг безмолвии звук проворачиваемого в замке ключа прозвучал оглушительно громко, но дверь открылась бесшумно, и Рада, поежившись, переступила порог.

Вестибюль встретил ее яркой оранжевой краской. Как там просил Скоробогатов? Приглушить драпировкой? Да тут даже самый умелый дизайнер не справится!

Рада не стала задерживаться на первом этаже и сразу поспешила вверх по лестнице, направившись в зеркальную галерею. В конце концов, в ее договоре с нанимателем был четко обозначен фронт ее работ. Если Аркадий Федорович желает, чтобы она восстановила интерьеры, Рада сделает это, но только после того, как закончит с галереей, и только если найдет какие-нибудь изображения того, как усадьба выглядела в прошлом.

Что касалось истории Ольховки, то Рада давным-давно изучила этот вопрос. Она знала, что существующее ныне здание усадьбы возводилась на старом фундаменте с тысяча восьмисотого по одна тысяча восемьсот четвертый год графом Иваном Платоновичем Бессчастливым. Сюда-то он и перевез свою семью из Моршанского имения. Не одно поколение Бессчастливых сменилось в этих стенах, пока не грянула революция семнадцатого года. После этого усадьба долго стояла в запустении. О ней вспомнили во время Великой Отечественной войны и организовали здесь госпиталь. В конце пятидесятых госпиталь расформировали, и Ольховка превратилась в санаторий, который просуществовал до середины восьмидесятых. С концом советской эпохи в имение пришел и упадок. Старая усадьба стояла брошенной, гниющей и разрушающейся, продуваемой ветрами, которые рьяно врывались в разбитые окна. И вот теперь, благодаря Скоробогатову, наконец-то переживала вторую молодость. Дом был восстановлен снаружи, наполовину — внутри. Ольховка ждала, чтобы в нее вдохнули жизнь, и комнаты ее снова наполнились теплом, смехом, звуком голосов.

Поднявшись на второй этаж, Рада остановилась перед почерневшей дверью. Отчего-то здесь было особенно холодно, словно из-за этой самой двери, за которой скрывалась галерея, несло зимней стужей.

Рада открыла дверь настежь и на всякий случай поставила свою сумку с инструментами на пол, подперев ею дверь, чтобы та не захлопнулась, как это произошло вчера.

Света из коридора хватало лишь на то, чтобы вырвать из мрака крошечный пятнышко у порога, дальше же царила темнота.

Достав заранее припасенные толстые свечи, Рада расставила их в несколько канделябров и чиркнула зажигалкой. Пламя заколебалось, отбрасывая на стены гигантские пляшущие тени. Десятки зеркал в арочных нишах ожили, уловив огоньки, и галерея наполнилась призрачным, мерцающим светом. Стекла, покрытые вековой пылью, отражали свечение тускло, словно не хотели делиться старыми секретами.

Рада медленно шла вдоль галереи, оценивая работу, которую ей предстояло сделать. Дел здесь, кажется, хватит на целое лето. Нужно будет очистить само помещение от грязи и пыли, заменить паркет и по новой отделать стены; укрепить рамы, очистить зеркала, а некоторые — заменить. Ей наверняка понадобится помощь хотя бы для того, чтобы вытащить громоздкие зеркала наружу. Нужно подобрать помещение по соседству, где ей будет удобно проводить реставрационные работы. Наверное, придется просить Скоробогатова найти ей кого-то для черной работы. Можно, конечно, попросить Иволгина или кого-то из его ребят... Нет, к нему Рада не будет обращаться. Ни-за-что!

Ее взгляд устремился вдоль галереи к большому зеркалу в конце. Оно влекло ее, как магнит.

Подойдя вплотную, Рада достала из кармана чистую тряпку и провела по стеклу. Это действие лишь помогло избавиться от легкого, недавнего слоя пыли. Девушка потеряла еще. От ее усилий образовалось мутное пятно, сквозь которое едва угадывалось отражение. Пыль, казалось, не просто лежала на поверхности, а въелась в самую структуру стекла за долгие годы, что зеркало здесь стояло. Но теперь, в очищенном пятнышке, Рада все же увидела себя — бледное лицо с широко раскрытыми глазами.

Она замерла, вглядываясь в свое искаженное, плохо различимое в полумраке отражение. Воздух вокруг словно сгустился и становился подвижным. Свечи за ее спиной трещали и чадили, разнося по помещению удушающий запах плавленого воска. Голова у Рады закружилась, а в висках застучало. Ей почудилось, будто отражение в глубине стекла не просто повторяет ее движения, а живет своей жизнью. Рада стояла неподвижно, а та, в зеркале, сделала шаг навстречу, и из мрака медленно стала подниматься бледная рука, тянущаяся к ней, чтобы коснуться, схватить, втащить ее внутрь...

Ледяной ужас окутал сердце Рады, и она резко отпрянула, споткнулась и едва удержала равновесие, неуклюже перебирая ногами. Морок рассеялся. В зеркале, в том самом мутном пятне, которое она оттерла, снова была ее собственное отражение — испуганное и взъерошенное.

— Черт, что со мной? — прошептала Рада, с силой растирая виски. — Не выпалась, вот и глючит.

Решив больше не искушать судьбу, она развернулась и быстрым шагом направилась к выходу. Но когда Рада приблизилась к двери, вдруг врезалась во что-то, выступившее вперед. Рада взвизгнула, отскакивая назад.

Перед ней стоял Алексей.

— Извини, — поднял он руки в умиротворяющем жесте, но в уголках его губ играла улыбка. — Не хотел пугать.

— Что тебе надо? — выдохнула Рада, все еще приходя в себя после испуга.

— Просто наши ребята скоро вернутся из села, спрашивают, не надо ли чего захватить. Вот решил узнать, тебе что-то надо?

— Нет, — резко ответила Рада, поправляя толстовку. — Я сама после обеда поеду туда за продуктами и...

— Рад, нам все равно здесь работать вместе, так что не стоит все воспринимать в штыки.

Она поджала губы, упрямо желая отказаться, но понимала: Иволгин прав. Да и зачем отказываться от помощи, если он сам предложил?

— Ладно... Мне не мешает катушка с электропроводом и пара ламп. Здесь, — она кивнула в сторону галереи, — ни одного окна.

— Жуткая комната, — констатировал Алексей, бросая взгляд в гнетущую темноту за дверью.

— Ни капельки, — возразила Рада, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто неудобно работать.

— Конечно, — легко согласился он. — Я помогу с освещением. Проводку протянем, лампы повесим. Знаю, ты не хочешь быть мне должна, — продолжил он, и его тон стал серьезнее, — только я ни черта не понимаю, Рада. Что я сделал такого, чтобы заслужить все это? Холодность, колкости, презрительные взгляды. Мы же когда-то...

— Ты ни в чем не виноват, конечно, — перебила она его, и в ее голосе зазвучала едкая насмешка. — Всему виной мое патологическое желание жить в одиночестве и быть несчастной. Удовлетворен?

Не дав ему ответить, она обошла Иволгина и, подняв с пола сумку, направилась к лестнице. Алексей не стал ее удерживать, лишь проводил взглядом, полным досады и недоумения.

Спустившись на первый этаж, Рада отправилась на поиски кабинета, упомянутого Скоробогатовым. Найти его не составило труда — это было единственное помещение, стены которого были выкрашены в угрюмый, черный цвет. В углу комнаты, под холщовой тканью, стоял сундук, о котором и говорил ранее Аркадий Федорович.

Рада откинула ветошь, подняв в воздух целый столб пыли. Она помахала руками, отгоняя ее, и посмотрела на массивный сундук из потемневшего дуба. Он был окован заржавевшими железными полосами. Сердце девушки учащенно забилося от предвкушения.

Открыв тяжелую крышку, Рада увидела сваленные как попало бумаги, несколько фолиантов в кожаных переплетах и, кажется, альбомы. Она бережно взяла один из них и раскрыла.

На пожелтевшей от времени бумаге тонкими, изящными линиями были выведены эскизы, запечатлевшие интерьеры Ольховки. Вот бальная зала, которую, кажется, еще не восстановили «гениальные» дизайнеры; вот гостиная с мебелью, которую она могла бы использовать как руководство... Листая дальше, Рада находила скетчи каминов, дверных ручек, узоров на паркете.

Скоробогатов был прав. Это была не просто находка. Это было сокровище!

Глава 5

Ольховка, наши дни

Рада машинально перелистывала страницу за страницей, но не видела изображений старинной Ольховки. В круговерти ее мыслей перед глазами все плыло. А в голове назойливо стоял укоризненный взгляд и звенели слова: «Что я сделал такого?»

Алексею было сложно ее понять, а Раде было невозможно ему объяснить. Или же... Или же она никогда не пыталась? Не пыталась? Да уж, этому она научилась у матери. Та всегда избегала серьезных разговоров и просто замыкалась в себе, считая, что если о проблеме молчать, то ее вроде как и нет.

«Чёрт, — с досадой подумала Рада, захлопывая альбом. — Так нельзя. Нельзя вести себя как мать. Я же именно это ненавидела всегда, эту ее холодность и отстраненность. Да и Лёша не заслуживает такого отношения. Нужно пересилить себя и поговорить. Объяснить... — Но тут же поправила себя: — Нет, не объяснить, а установить правила. Четкие, ясные правила нейтрально-вежливого сосуществования».

Рада захлопнула тяжелую крышку сундука, снова взметнув в воздух мириады пылинок. Поднялась, отряхнула джинсы и вышла из кабинета.

Воздух в усадьбе казался спертым. Отчего-то здесь не пахло краской, хотя должно бы, ведь недавно закончили отделку стен первого этажа; а пахло здесь затхлостью и стариной, как бывает в домах, которые долго стояли заброшенными, но не лишенными предметов, принадлежавших былым владельцам; в домах, которые словно законсервировались сами в себе.

Раде не хватало кислорода, и, выскочив на крыльцо усадьбы, она с удовольствием глотнула свежего воздуха.

Решив, что разговор не терпит отлагательств, она направилась к сторожке, чтобы найти Алексея. Если его там нет, то она пойдет искать его на раскопках, но из-за дома пока не доносилось никаких звуков или голосов.

Свернув на тропинку, что вилась между густо растущими кустарниками, Рада вдруг остановилась.

Там, впереди, виднелась лестница и дверь сторожки, а перед ними разворачивался... спектакль.

Диана, помощница Иволгина, что-то безостановочно и, кажется, страстно говорила. На губах Алексея Рада увидела улыбку, но не веселую или счастливую, а несколько растерянную. Что говорила девушка, разобрать отсюда, где стояла Рада, было невозможно: слишком тих был ее голос. Но вдруг девушка бросилась к Алексею, обвила его шею руками и прижалась в поцелуе к его губам. У Рады похолодело все внутри. Горькая, едкая мысль пронзила сознание: «Что и требовалось доказать. Я все правильно сделала тогда».

Но в следующий миг Алексей решительно, почти грубо, отстранил от себя Диану и сделал шаг назад. Его лицо было суровым.

— Диана, хватит! — Голос Иволгина прозвучал резко, без тени привычной легкости. — Это неуместно. И непрофессионально. Еще одна такая выходка, и мне придется искать новую помощницу. Ясно?

Девушка попыталась ответить что-то в свое оправдание, но Алексей перебил, сказав уже более мягко:

— Между нами ничего не может быть. Тебе лучше перекинуть свой пыл на человека, который только о тебе и мечтает.

— Опять ты про Кира! Но я тебя люблю!

— Я сказал — довольно, — осек ее Алексей и, развернувшись, быстро взлетел по четырем ступенькам крыльца и скрылся в сторожке.

Диана бросилась прочь, в сторону леса, а Рада еще несколько минут стояла, не в силах пошевелиться. Ее вспыхнувшее было ехидство опустило голову, и она теперь не знала, как себя вести.

Помедлив, она все же вошла в сторожку, где и застала Иволгина, расхаживающим из угла в угол.

Алексей обернулся к вошедшей Раде. На его лице было смешанное выражение усталости, досады и... вины.

— Думается мне, ты все видела, — сказал он, и Рада кивнула.

— Прямо-таки шекспировские страсти, — не удержалась она от сарказма.

— Несмешно.

— Я и не смеюсь. — И, помедлив, добавила: — Вот поэтому у нас ничего и не получилось, Лёш.

Он нахмурился, а потом рассмеялся горько и невесело.

— Ага, значит, все дело в ревности? — Он пристально посмотрел на Радy. — Я ведь подозревал что-либо этaкое. Ты приревновала меня к той дурочке-аспирантке?

— Вовсе нет...

— Я говорил тебе тогда и повторю теперь: я тебя люблю, Рада. Только тебя.

— Дело не только в дурочке-аспирантке, — парировала она, скрещивая руки на груди в защитном жесте. — Дело в том, что их вокруг тебя слишком много. И они всегда будут. Взять хоть эту твою новую помощницу. — Рада помотала головой, словно пытаясь убедить саму себя. — Я не готова жить, каждый день думая, что ты можешь...

— Изменить тебе? — перебил Алексей. — Найти другую? Увлечься? — Он шагнул к Раде. — Знаешь, Рада, ведь дело вовсе не во мне. Дело в тебе, в том, что ты бежишь от чувств. Ты не хочешь поверить, что я нормальный парень. Парень, который тебя любит. И пока ты не позволишь себе... Пока не научишься доверять мне, верить в нас, ты так и будешь метаться, делая меня виноватым в своих собственных страхах и моральных проблемах.

Его слова попали в самую точку, и это было больно. Невыносимо больно.

— Я больше не хочу это обсуждать, — выдохнула она, отступая. — Ни сейчас, ни когда-нибудь еще. Давай просто сделаем вид, что...

— Что мы чужие друг другу? — В его словах была горечь, но Рада кивнула. — Как знаешь. — Алексей направился к выходу из сторожки. — Ты знаешь, где меня искать, если что. И знаешь, что я всегда открыт для диалога.

Рада, словно на нее разом навалилась усталость десяти человек, опустилась на стул и долго сидела, уставившись в одну точку. Глупая. Какая же она глупая. Иволгин ведь прав. Она сама строила стены и сама же страдала от этого. Сама рушила то хорошее, что могло бы быть между ними... уже ведь было. Она обратилась мыслями к той поре, когда они вместе работали в усадьбе Хворостинных; вспомнила, как их завалило в подземелье, как думала, что Алексей погиб; вспомнила и то, как он нашел ее несколько месяцев спустя в другой усадьбе; вспомнила те полгода, что они бегали на свидания друг к другу, гуляли, держась за руки, смеялись, спорили и, кажется, были по-настоящему влюблены.

А потом она решила, что все это неправда. Увидела, подумала, ушла...

Рада закрыла лицо руками. Мысль, что она все сама разрушила, была унижительной и... освобождающей.

Глава 6

Ольховка, наши дни

Чтобы отвлечься от безрадостных мыслей, Рада подумала было вернуться в главный дом, но отчего-то идея снова заглянуть в то зеркало показалась ей неприятной. Нет, с зеркалами она начнет плотно «сотрудничать» завтра.

Выйдя из сторожки, Рада поежилась от порыва по-осеннему холодного ветра. Небо по-прежнему хмурилось и, видимо, собиралось обрушиться на Ольховку дождем.

Потоптавшись возле сторожки, она побрела к раскопкам. Из-за дома доносились оживленные голоса.

Завернув за угол, Рада окинула взглядом открывшуюся ей картину. От здания усадьбы виляла вымощенная камнем дорожка. Наверное, летом она зарастет травой, но пока та лишь робко пробивалась меж камешков. Вдалеке за рощей виднелся край обрушенной когда-то белой стены. Там уже вовсю кипела работа. Видимо, вся команда Иволгина приехала.

Рада заметила под широким брезентовым навесом столы, ящики и инструменты — здесь археологи обустроили что-то типа технической зоны, куда убирали находки и где можно было, в случае надобности, спрятаться от непогоды. Здесь же, чуть в стороне, двое парней устанавливали палатки.

Кир, заметив Раду, помахал ей рукой и поспешил навстречу.

— Рада Сергеевна, решили заглянуть к нам? — улыбнулся парень.

— Можно?

— Еще спрашиваете! — Он поправил очки и посмотрел на нее с восхищением. — Я так рад, что вы здесь, можно сказать, тоже в нашей команде.

— О нет, — засмеялась Рада. — Я сама по себе.

— Пусть так, но в случае чего, я ведь могу обратиться к вам за советом?

— Если найдете какой-нибудь старинный документ? — Кир кивнул, и Рада улыбнулась. — Конечно, обращайтесь.

— Спасибо. Я восхищен вашей работой в музее-усадьбе «Северное Лесовье».

— Это моя самая большая реставрационная работа на данный момент. — Раде взгрустнулось при воспоминании об одном из ее первых заказов. Мотнув головой, она посмотрела на Кира. — Ну что, проведете для меня экскурсию по раскопкам, если, конечно, ваш начальник не будет против?

— Алексей Андреевич? Конечно, не будет. Он о вас очень высокого мнения, — заверил ее Кир. — Давайте я вас сначала с ребятами познакомлю?

Рада согласилась, и Кир повел ее к тем, кого она еще не встречала.

— Народ, это Рада Сергеевна, наш реставратор! — провозгласил он.

Еле сдержавшись от возражения, Рада все же недовольно поджала губы. Это «наш» ей претило.

— Знакомьтесь, это Артём и Веня, вон там у палатки Динамит и Маруся.

Ребята дружно поздоровались с Радой, а она спросила Кира, когда они направились вдвоем в сторону разрушенной церкви:

— Почему того парня зовут Динамит?

— Потому что он готов камня на камне не оставить, чтобы дорыться до сути.

— Видимо, взял пример с руководителя вашей группы, — ехидно пробормотала Рада.

— Что вы! — пламенно возразил Кир. — Алексей Андреевич его всегда тормозит и учит, как нужно проводить раскопки, как извлекать предметы из слоя земли или песка.

— Неужели? — не поверила Рада. Она-то прекрасно знала старые методы Иволгина, которого за глаза многие величали Шлиманом наших дней.

Кир покраснел, поняв, о чем она думает, и выглядел таким сконфуженным, будто это прозвище носил не Алексей, а он сам.

Тем временем они остановились у разрушенного входа в церковь. Собственно, и церковь это место сложно было назвать, если доподлинно не знать, что здесь когда-то была домовая часовня Бессчастных. Большая часть стен рухнула, ни купола, ни пристроек не сохранилось.

— Где же ваши раскопки? — спросила Рада.

— Мы начали работы с той стороны. — Кир махнул рукой, указывая на дальнюю стену. — Там был черный вход, и через него было можно попасть внутрь. Здесь-то все камнями засыпано, — пояснил он.

— Накануне Алексей говорил, что под зданием обнаружены какие-то пустоты.

— Да-да. Как раз сам Скоробогатов и обнаружил. Он вместе с прорабом пришел осматривать строение, они пробрались внутрь, ну а пол под ними возьми да рухни! Скоробогатов не пострадал, а прораб угодил в какую-то дыру, из которой его и вытаскивали.

— Что за дыра? — с любопытством спросила Рада.

— Оказалось, что-то вроде склепа, в нем-то и обнаружился скелет. Но интересно другое: из этого небольшого помещения открылся проход в какие-то подземные пустоты. — Кир почесал затылок, а потом снова поправил очки, сползшие на кончик носа. — Ну а потом вызвали нас.

— И Иволгин уцепился за эти находки? С чего бы?

— Это только на первый взгляд кажется, что здесь ничего интересного, а на самом деле Алексей Андреевич уверен, что под церковью было древнее капище, — воодушевленно сказал Кир. — Пока все завалено этими обломками, но мы доберемся! Структура фундамента нетипичная для культовых христианских построек. Да и этот скелет не мог не привлечь его внимания.

— Скелет в усыпальнице рядом со старой церковью? — Рада скептически изогнула бровь. — Наверняка батюшка, служивший здесь...

— Если бы! — горячо воскликнул Кир. — Это скелет женщины. Не просто женщины, а цыганки!

— Цыганки? — удивилась Рада.

— Да. На скелете сохранились остатки одеяния, а также украшения: серьги, кольцо, головное украшение. Все они типичны для представителей этого бродячего народа.

— Это и правда интересно и довольно необычно, — пробормотала Рада. — А этот скелет... Он старый?

— Алексей Андреевич говорит, скелету лет двести, а может, больше. Мы отправили останки в Москву, в Институт археологии, там ими займутся ученые.

— А украшения? Их тоже отправили в Москву?

— Нет, мы все аккуратно засняли, зарисовали и каталогизировали. Все находки в нашей полевой лаборатории.

Глаза Рады загорелись неподдельным интересом.

— А можно мне взглянуть?

— О... — Кир замялся. — Да, наверное, но лучше спросить у Алексея Андреевича.

— О чем спросить? — раздался за их спинами голос Иволгина, и Рада вздрогнула от неожиданности.

Они с Киrom обернулись.

— Да я тут рассказывал Раде Сергеевне про наш скелет, — виноватым тоном пробормотал парень, будто только что совершил какое-то преступление.

— И Рада Сергеевна, конечно, заинтересовалась? — хмыкнул Алексей.

— Покажешь? — обратилась к нему Рада.

— С удовольствием, — кивнул он и выставил локоть, предлагая Раде взять его под руку, от чего она отказалась, тихонько фыркнув.

Иволгин рассмеялся.

Внезапно стеной хлынул дождь, и вся троица опрометью бросилась под навес.

Глава 7

Ольховка, наши дни

Дождь хлестал по брезентовому навесу с таким остервенением, что заглушал все остальные звуки, и чтобы быть услышанным, приходилось говорить громче.

Под укрытием собралась вся разномастная команда Иволгина: Кир, Артём, Веня, Динамит и Маруся. Не хватало только Дианы, которая так и не появилась на площадке после сцены у сторожки.

Воздух наполнился запахом мокрой земли, влажной ткани и кофе из огромного термоса, который открыл Веня и теперь всех щедро угощал. Получила свою порцию и Рада.

Они с Иволгиным сели у задней стенки, которую с началом ливня опустил и закрепил Динамит. Артём занимался боковыми, а Маруся приговаривала:

— А я вам, парни, говорила, что не надо оставлять только крышу, а нужно было сразу сделать полноценное укрытие от дождя и ветра.

— Говорила, а мы, олухи, не слушали, — подтвердил Иволгин.

— Потому что говорят: послушай женщину и сделай по-своему, — рассмеялся Динамит.

— А я обычно говорю то же самое, но с точностью до наоборот, — не выдержала такой мизогинии Рада.

— А я считаю, что любой дискриминации нужно сказать нет! — остановил готовый было разгореться спор Алексей.

Он открыл один из ящиков и извлек оттуда целую пачку фотографий, упакованных в зип-локи. Каждое фото было пронумеровано и подписано.

— После того как был найден скелет, меня к себе пригласил Скоробогатов, — начал Алексей, раскладывая перед Радой фотоснимки. — Он был на взводе, сгорал от любопытства.

— Он целенаправленно искал встречи с тобой?

— Ну, как ты понимаешь, единственный археолог, чье имя известно в широких кругах, — это твой покорный слуга. — Хмыкнув, Алексей поклонился Раде. — Вот Скоробогатов и решил, что хочет заполучить себе самого лучшего в нашем деле.

— Как всегда, кроме до невозможного, — покачала головой Рада. — И что же, тебя сразу заинтересовало это дело?

— Поначалу я отнесся скептически, решив, что найденный скелет исторического интереса не представляет, но все же приехал, так как был не занят. Но когда оказался здесь и осмотрел находку, то понял: здесь нашли сокровище. И, что немаловажно, настоящую историческую загадку. — Алексей положил перед Радой первый снимок. — Вот, смотри.

Рада со все возрастающим интересом рассматривала одно фото за другим. На первых запечатлели довольно узкое, тесное помещение, грубо сложенное из камня, явно пристроенное к старому фундаменту церкви. Оно напоминало каменный мешок.

— Это не склеп и не усыпальница? — спросила Рада.

— О нет. Видишь? — Алексей указал на один из кадров, где был виден скелет. — Никакого саркофага, ниши, даже надгробной плиты. Просто комната...

— Странная поза для захоронения, — пробормотала Рада.

— Ты права. Очень странная. Поворот головы, положение рук, раскинутые ноги — все говорит о том, что тело просто сбросили в этот каменный мешок откуда-то сверху.

— Сбросили? — Рада почувствовала легкий холодок, пробежавший по спине.

Она внимательно всмотрелась в изображение скелета: неплохо сохранившаяся одежда когда-то ярких расцветок, украшения на голове, руках, шее и талии. Наверное, такой наряд

можно было бы назвать погребальным, если бы не поза женщины. Она была неестественной, говорящей о насилии и пренебрежении.

Следующие фотографии были крупнее. Рада медленно рассматривала их, а Алексей тем временем открыл ящик с находками.

— А вот и ее «приданое», — сказал он, и в его голосе прозвучала мрачная ирония.

Рада замерла, разглядывая украшения, тщательно упакованные в прозрачные пакеты с клапаном.

Массивные, из литого золота, серьги были выполнены в виде сложных ажурных дисков, от которых, словно лучи, отходили подвески с грубо ограненными гранатами, темно-красными, как запекшаяся кровь.

Налобное украшение представляло собой золотые круглые пластины, соединенные цепочками.

Кольца и браслеты вызывали не меньший интерес. Кажется, на скелете было не менее дюжины колец и почти в два раза больше браслетов. Все они были выполнены из золота со вставками самоцветов.

Но самым странным предметом было то, что зажала в своей костяной руке усопшая и что теперь было упаковано в отдельный пакет.

— Что это? — спросила Рада.

— Осколок обсидианового зеркала, — пояснил Алексей. — Идеально отполированный, хоть и кривой. Видишь, какой он острый, словно кинжал.

Рада нашла нужную фотографию и увидела, что цыганка и правда сжимала обсидиан на манер ножа, будто готовилась пустить его в ход.

— Цыганка... под церковью, — тихо проговорила Рада, отрывая взгляд от снимка. — Это кажется кощунством.

— Нет ничего удивительного, — пожал плечами Алексей. — Церкви часто строили на местах древних капищ, чтобы «освятить» языческие места силы. Ты это и сама знаешь.

— Думаешь, и в Ольховке не случайно часовню поставили именно на этом месте?

— Скорее всего, тогдашний хозяин имения, граф Бессчастный, возвел часовню на обнаруженном в зарослях фундаменте древней постройки. Вряд ли он понимал, что здесь было прежде, и уж точно не подозревал, что здесь когда-то было капище.

— Насколько я помню из документов, которые мне удалось отыскать по истории усадьбы, часовню здесь возводили в тысяча восемьсот десятом – тринадцатом годах.

— Так и есть, — кивнул Алексей.

— А цыганка? — Рада посмотрела на него. — Как думаешь, сколько лет этому скелету.

— Это не такой уж старый труп, по меркам столетий, конечно. Думаю, ей лет двести – триста. Максимум четыреста, но об этом лучше скажут специалисты, которые уже над находкой работают.

— Значит, скелет уже был здесь до постройки церквушки? — подала голос Маруся.

Только тут Рада с Алексеем поняли, что во все время их разговора вокруг царила тишина, и ребята прислушивались к его рассказу и вопросам Рады.

— А вот это самое интересное, — сказал Алексей, обводя всех глазами. — Но вы ведь у меня будущие археологи, сами должны понимать...

— Скорее всего, нашей цыганке столько же лет, сколько и часовне, — поправляя привычным жестом очки, заявил Кир.

— И почему это так? — тоном наставника спросил Иволгин.

— Потому что каменный мешок, в котором нашли скелет, явно был сооружен, когда строили часовню.

— Умница этот наш Кир Великий, — засмеялся Алексей. — По-моему, ребята, мы раскопали не просто старый скелет, а самое настоящее убийство.

Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только шумом дождя.

— Убийство? — переспросила Рада.

— Не нужно быть антропологом, чтобы это заметить, — улыбнулся ей Алексей. — Видишь эту характерную вмятину? — Он пододвинул к Раде фото с увеличенным изображением черепа. — Удар был нанесен сзади, тяжелым тупым предметом. Видишь, как проломлена кость? Смерть, скорее всего, была мгновенной.

— Как интересно, — пробормотала Маруся.

— Очень, — согласился с девушкой Динамит.

— Интересно, кто ее убил и за что? — спросил Кир. — Настоящая ведь загадка для историков. Да, Рада Сергеевна?

Рада не слышала его вопроса, она продолжала вертеть в руке осколок обсидианового зеркала, который завораживал ее и манил.

— Может, ее убили за ворожбу? — предположила Маруся. — Церковь, святое место... а тут цыганка.

— Или она что-то украла! — высказал гипотезу Динамит. — Смотри, какие украшения дорогие! Может, это добыча, и ее убили сообщники?

— Или сам граф Бессчастный, которого она и ограбила, — вставил слово Артём.

— А может, она была любовницей графа? — фантазировал Веня. — Графиня их уличила. Ревность, скандал... Тайно убили и спрятали тело там, где никто не станет искать — под церковью!

— Или она просто знала слишком много, — задумчиво проговорил Иволгин.

Рада молча слушала этот водоворот версий, которые становились одна фантастичнее другой. Каждая имела право на жизнь. Но она все думала о зеркале. Зачем оно цыганке? Почему осколок был в ее руке? Почему она вот так сжимала его перед смертью?

Дождь так и не утих, и до конца дня работа была парализована. Рада вернулась в сторожку, согрелась чаем и легла спать под монотонный стук капель по крыше.

И ей приснился странный, яркий сон.

Она стояла на берегу Олыши. Но река была не такой, как сейчас — более полноводной и быстрой. Рада стояла у воды и смотрела, как поток уносит пожухлые осенние листья.

Вдруг на том берегу, из предрассветного тумана, показалась женщина. Высокая, статная, в цветастой юбке, с золотыми серьгами в ушах, точь-в-точь как на фотографиях. При каждом ее движении золотые монетки на поясе звенели и переливались, словно песнь соловья.

Цыганка подошла к самой воде и протянула к Раде руку. Глаза ее были темными и бездонными.

— Погадаю, красавица? — прошептала она, и ее голос был словно звон монет. — Всю правду расскажу...

Рада, замороженная голосом, сделала шаг вперед. Но вместо того чтобы взять ее руку, цыганка раскрыла ладонь. На ней лежал тот самый осколок обсидианового зеркала.

— Посмотри в него, — голос цыганки стал настойчивым и повелительным. — Правду узнаешь... Посмотри! Правду узнаешь! Правду узнаешь...

Глава 8

Ольховка, 1812 год

Первый снег выпал неожиданно, за одну ночь превратив унылый осенний пейзаж вокруг Ольховки в зимнюю сказку. Голые ветви старых лип гнулись под пушистой белой ношей, а парковые дорожки укутались в невесомо-нежное покрывало.

Варвара, облаченная в бархатную голубую шубку с соболиной опушкой, и в меховой шапочке, которая ей чрезвычайно была к лицу, вышла на крыльцо и ахнула от восторга.

— Лизонька, гляди! Точно в сказке! Всё белым-бело!

Лиза, кутаясь в свой поношенный, черный, как у вдовы, салоп с облезлым воротником, вышла из дома вслед за Варварой и зябко поежилась. Ей было холодно, и первый снег не вызывал ничего, кроме тоскливой мысли о долгой, затяжной зиме, которую предстояло провести в четырех стенах под неусыпным оком тетки.

— Радовались-радовались теплой осени, а так быстро нагрянула зима, — пробормотала она, не разделяя веселья кузины.

Варвара тем временем уже сбежала с крыльца и сгребла целую охапку снега, подбросила его ввысь и рассмеялась.

— Как красиво, Лизонька!

Та, осторожно держась, спускалась по скользким ступенькам, которые уже успел обмести их дворник Василий и которые от морозца быстро покрылись наледью. Варвара подскочила к Лизе и протянула руку.

— Давай я тебе помогу, растяпа ты моя.

Голос кузины звучал по-доброму, но Лиза при слове «растяпа» вся внутренне сжалась. То Катерина Дмитриевна ее попрекала за неуклюжесть, то Иван Платонович с укоризной качал головой, поражаясь ее нескладности да некрасивости, то вот Варя кидалась обидными словами, которым она и значения-то не придавала, но ей, Лизе, делалось неприятно.

— Пойдем, пройдемся до речки! — Варвара, не дожидаясь согласия, схватила кузину под руку и потащила за собой, оставляя на искрящемся снегу первые следы.

— Растает, — пробормотала Лиза, уткнувшись взглядом под ноги.

— Что ты шепчешь, Лизонька?

— Снег, говорю, растает, не ляжет.

— Ах как жаль, — вздохнула Варвара. — А я так люблю зиму. Как бы было хорошо, если бы снег не таял!

— За что же ее любить, зиму эту, голубушка? — возразила Лиза. — В прошлом году вы три раза принимались болеть.

— То было в прошлом, а в этом я ни за что не заболею, вот увидишь, — радостно провозгласила Варвара.

Воздух был чист и прозрачен, но в нем чувствовалась влага, а значит, сбудутся слова Лизы, и снег вскорости растает.

Девушки шли по аллее, снег под их ногами поскрипывал, вторя безумолчной болтовне Варвары.

— Как ты думаешь, он выживет, Лизонька? — спросила она, понизив голос, хотя вокруг, кроме них, никого не было. — Доктор сказал, рана тяжелая, но не смертельная. Уже седьмой день он у нас, и все лихорадит... Бедный виконт. Он, наверное, так страдает.

— Лучше бы помер, Варечка, — тихо, но твердо вымолвила Лиза.

Варвара с осуждением покосилась на кузину.

— Как же так можно, Лиза? Желать человеку смерти?!

— Супостат он, милая. Враг.

Варвара остановилась как вкопанная и повернулась к Лизе.

— Глупости! Как же ты, такая богобоязненная, а такие слова говоришь? Смерть ему кличешь. А он ведь человек! Человек! — страстно воскликнула она. — Он так образован, Лизет! Говорит на нескольких языках! И видел Париж... Представляешь? Париж!

— Откуда тебе знать о его образованиях, Варечка?

Та пожала плечами и пошла дальше.

— Он же виконт, а виконты все ученые, — заявила она. — Арман де Клерман. Какое красивое у него имя. Все-таки эти французы столь заняты, ты не находишь?

— Не нахожу, — покачала головой Лиза.

— Но как же? — Варвара сильнее сжала руку кузины. — Ты только вслушайся, как звучит! Арман! Арман де Клерман! Не то что Дима... Митя... Это как-то провинциально.

Лиза с укоризной взглянула на Варвару. Как она может так говорить об имени поручика Остроумова? Дима... Дмитрий Алексеевич, он же... он же... Лиза тяжело вздохнула и задрожала под порывом ветра.

Они вышли на опушку парка, где возвышалась новенькая, еще пахнувшая свежим деревом и краской часовенка. Работы подходили к концу, и золотой крест на главке уже сиял под холодным осенним солнцем. Лиза, проходя мимо, набожно перекрестилась, прошептав молитву. Варвара же лишь рассеянно скользнула по строению взглядом.

Вскоре они спустились в нижнюю часть парка, туда, где меж деревьями петляла небольшая речка, подернутая тонким, еще совсем хрупким, словно паутина, льдом.

И тут обе девушки замерли, увидев на другом берегу необычное оживление. Там, за густо росшими деревьями, сейчас, когда они лишились своего лиственного убранства, меж голыми стволами да ветками виднелась поляна, вся расцвеченная яркими пятнами кибиток и шатров. Ржали кони, слышался певучий говор множества голосов, откуда-то из-за кибиток доносился ленивый перебор гитары.

— Батюшки! — прошептала Варвара, и глаза ее загорелись любопытством. — Неужто сам Наполеон к нам пожаловал со своей гвардией?

— Мать честная. — Лиза стала как вкопанная и начала судорожно креститься, чем вызвала смех у Варвары.

— Неужто поверила, — хохотала она. — Откуда здесь взяться Бонапарту, Лизет? Какая ты, право, наивная.

— Уйдем, Варечка, уйдем отсюда! — испуганно просила Лиза, хватая ее за рукава. — Это цыгане! Дикий народ! Укратут еще!

Но Варвара не слушала. С того берега Ольши донесся перелив гитары, а следом — полный тоски и огня мужской голос. Песня была на непонятном языке, но в ней чувствовалась такая дикая, первобытная страсть, такая глубокая печаль и одновременно такая безудержная радость жизни, что у Варвары перехватило дыхание.

Она стояла, замерев, и вслушиваясь в незнакомые слова, а Лиза все тянула и тянула ее прочь, пытаясь увести подальше, пока цыгане не увидели их.

Вдруг из-за кибитки вышла высокая цыганка в яркой цветастой юбке, с крупными золотыми серьгами в ушах. Ее черные, как смоль, волосы были заплетены в две тяжелые косы. На лбу переливалось украшение из круглых монет, которые позванивали при каждом ее движении.

Цыганка, увидев девушек, направилась прямо к ним и остановилась у самого берега Ольши, с любопытством уставившись на Варвару с Лизой.

— Пойдем, — прошептала последняя кузине.

А цыганка крикнула:

— Эй, барские дочки! Давай погадаю, красавицы? Судьбу расскажу, жениха покажу! Всю правду про ваше сердце выложу!

Варвара, очарованная и песней, и видом этой вольной, красивой женщины, сделала шаг вперед, уже собираясь согласиться. Но Лиза, в ужасе от самого появления здесь цыган, изо всех сил рванула ее за руку.

— Нет! Ни за что! Пойдем! — Ее голос дрожал от страха.

На этот раз испуг Лизы был так заразителен, что Варвара позволила увлечь себя прочь от речки, назад, в безопасные стены усадьбы. Только в доме Лиза смогла перевести дух и успокоиться, а Варвара все оставшееся до вечера время была необычайно задумчива.

За ужином, когда подали сладкий взвар, Варвара не выдержала и спросила у отца:

— Батюшка, а вы видели цыган у нас в лесу?

— Видел, Варварушка. Надесь вернулись, за Ольшой встали табором.

Катерина Дмитриевна, услышав это, чуть не поперхнулась и с ужасом схватилась за сердце.

— Матерь Божья! Мало нам наполеонов, еще и цыгане под боком! Иван Платоныч, — обратилась она к мужу, — ты должен велеть их прогнать! Сию же минуту! Это же разбойники, воры!

Граф Иван Платонович тяжело вздохнул, откладывая ложку.

— Нельзя их прогнать, Катерина Дмитриевна. На том берегу Ольши испокон веков было их стойбище. Они кочуют, пропадают на годы, а потом возвращаются. Это их земля, по своим, им одним ведомым законам. Да ты не бойся, матушка, — успокоил он жену. — Они нас не тронут. Постоят неделю-другую, поторгуют лошадьми, да и уйдут своей дорогой.

— А что, ежели они нас обворуют? Что, ежели сунутся в Ольховку? — начала причитать графиня.

— Не будет от них беды, не бойся. Разве что подработать захотят.

— Подработать? — охнула Катерина Дмитриевна. — Разве цыгане могут что делать?

— Они за лошадьми ходить умеют, так что... — Иван Платонович кашлянул и посмотрел на жену из-под лохматых бровей. — Я одного нанял.

— Как нанял? В дом? — Лицо графини побелело, и Лиза тут же поспешила к ней, обмахивая тетку салфеткой.

— Зачем в дом? Гожо в конюшне поможет, пока наш конюх Антипыч не вернется, — сказал Иван Платонович и поднялся. — Уехал Антипыч-то...

Его оправдания потонули в причитаниях Катерины Дмитриевны.

— Лиза, да убери ты это полотенце! — вспылила графиня. — Соли мои неси! Соли! А то, не ровен час, скончаюсь. То француза нам в дом подселил, а теперь еще и цыгане лезут. Иван Платоныч, ты решил в гроб меня вогнать, как пить дать, решил! — все причитала и причитала она.

К ночи дом успокоился, а любопытный огонек в глазах Варвары все пуще разгорался. Какой интересной будет эта зима! Арман де Клерман на излечении у них, а теперь и цыгане...

Запретный плод всегда сладок. Цыганка с того берега речки, ее слова и ее загадочная улыбка манили теперь Варвару, и она решила непременно пойти в табор, найти ту женщину и попросить ее погадать. Может, цыганка подскажет ей насчет поручика Остроумова, стоит ли принять его предложение, когда он его сделает? Или же она поможет вылечить виконта? Только нужно будет Лизу уговорить пойти с ней. Та трусиха, но Варвара что-нибудь да придумает...

Глава 9

Ольховка, наши дни

После странного сна Рада пробудилась рано. За окном еще только брезжил рассвет, а она уже была на ногах и варила кофе.

— Хватит на мою долю? — раздался за ее спиной голос Иволгина.

Рада обернулась.

— И тебе доброе утро, — пробормотала она. — Не спится?

— Не-а, — помотал он головой. — И тебе, видимо, тоже.

— Видела странный сон, — призналась Рада.

— Расскажешь?

— Нечего рассказывать, — отказалась она, не желая вспоминать ни цыганку, ни то, как та заставляла заглянуть в осколок обсидианового зеркала.

Рада разлила кофе по двум чашкам и поставила одну перед Алексеем. Он уселся за стол, а Рада осталась стоять, прислонившись к разделочному столу.

— Вчера вечером, пока ты отдыхала, мы с Артёмом кое-что сделали. В зеркальную галерею протянули пару ламп на удлинителях. Теперь там хоть что-то видно.

Рада почувствовала неожиданный прилив благодарности. Мысль о работе при свечах угнетала ее куда сильнее, чем она готова была признаться.

— Спасибо, — сказала она, и в голосе ее не было привычной колкости. — Это серьезно облегчит жизнь.

— Не за что, — улыбнулся Иволгин. — С чего планируешь начать?

— Сначала оценю, какие зеркала можно аккуратно снять и вынести. Начну с самых аварийных. Те, что лучше сохранились, буду очищать и восстанавливать на месте.

— Мне кажется, что лучше сохранилось то зеркало по центру.

— Думаю, это необычное зеркало, — задумчиво сказала Рада.

— Обсидиан?

— Скорее всего. Правда, я никогда не слышала, чтобы встречались обсидиановые зеркала таких размеров.

— Ну, говорят, оно самому Калиостро принадлежало.

— А может, Джону Ди? — Рада скептически приподняла бровь. — Меня удивляет, что в такой глуши, в каком-то провинциальном имении сделали зеркальную галерею. Ладно бы во дворцах Петербурга или Москвы. Но здесь?

— Наверное, граф Бессчастный был экстравагантен, — предположил Алексей. — Ты не нашла в документах, откуда здесь эта галерея?

— Нет, про нее нигде нет никаких подробностей.

— Прямо-таки никаких? — В глазах Иволгина заплясали лукавые огоньки, и Рада поняла, к чему он клонит.

— Если ты о слухах, то, как известно, я отношусь к ним с большим скепсисом.

— Слухи на пустом месте не берутся. Как тебе, например, история, про секретаря райкома, которого затянуло в одно из зеркал, и он испарился?

— Проворовался твой секретарь, и его посадили, — рассмеялась Рада и, допив кофе, сказала: — Ладно, пойду я работать.

— Нужна помощь? — спросил Алексей, глядя на нее поверх края кружки.

Рада открыто встретила его взгляд и после короткой паузы, поколебавшись, все же кивнула.

— Не откажусь. Когда у тебя или у ребят будет время, пусть кто-нибудь... вдвоем придут и помогут перенести пару зеркал в соседнее помещение. Там, вроде, ремонта не было, но света больше. Я приберу там и застелю все пленкой, чтобы было чисто.

— Договорились. — Алексей улыбнулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на надежду. — Как освободимся — сразу к тебе.

Выйдя из сторожки, Рада вдохнула свежий, утренний воздух. Сегодня было тихо. Вчерашний ливень, кажется, принес в Ольховку майское тепло и ясное небо, которое теперь окрашивалось рассветным солнцем в оранжевые и бледно-желтые цвета.

Через несколько минут Рада уже стояла в зеркальной галерее. Лампы, подвешенные к гвоздям, старательно вбитым кем-то из археологов, действительно разгоняли мрак, но их холодный электрический свет делал помещение еще более безжизненным и жутким. Тени стали четче и чернее, а зеркало в конце помещения так и осталось стоять во мраке и то и дело притягивало взгляд, манило подойти и коснуться его черной поверхности пальцами.

Рада обошла несколько комнат на втором этаже, смежных с галереей. Скоробогатов не солгал — здесь царило запустение, хотя от основной массы грязи и пыли предыдущая команда рабочих избавилась. Рада подумала было устроить реставрационную в одном из отремонтированных помещений внизу, но представив, как придется тащить вниз по лестнице хрупкие зеркала, отказалась от этой идеи.

В конце концов она остановила свой выбор на просторном помещении неподалеку от галереи. Здесь когда-то, видимо, была гостиная, о чем свидетельствовало множество широких окон, выходивших на южную сторону.

Рада оставила в ней свои вещи и уже отправилась за тканью и пленкой, которой собиралась накрыть полы, но, выйдя в коридор, замерла на секунду. Открытая дверь в галерею манила ее.

Девушка сама не заметила, как снова оказалась перед черным зеркалом.

Она вытащила из сумки флакон со специальным щадящим раствором для старинных стекол и мягкую, безворсовую салфетку. Рада действовала осторожно, с благоговением, которое испытывала к старинным предметам. Слой за слоем она удаляла многолетние наслоения пыли и въевшейся грязи.

Наверное, она провозилась с час, а то и больше, но наконец-то перед ней открылась отполированная гладь. В отличие от других зеркал в галерее, покрытых сетью мелких трещин и черных пятен окисленной амальгамы, это было почти безупречно. Казалось, в его глубине затаилась сама тьма. Лицо Рады, отраженное в нем, выглядело бледным и размытым, как у призрака.

Не в силах сопротивляться импульсу, Рада протянула руку. Пальцы ее скользнули по причудливой резьбе на черной раме, и девушка ощутила шероховатость старого дерева, а затем она коснулась холодной поверхности стекла.

Радугу будто пронзило мощным разрядом тока. Ее тут же окутала удушающая волна безысходности и горя, настолько сильного, что у нее перехватило дыхание. Комната поплыла перед глазами. Чтобы не упасть, Рада попыталась ухватиться за раму. Зрение помутилось, свет ламп померк, все вокруг начало вертеться, словно кто-то вывернул мир наизнанку.

В черной глубине зеркала исчезло ее собственное отражение. Рада отчетливо увидела, что вместо нее в стекле стояла другая девушка. Бледная, с невыразительными чертами лица, с жидкими русыми волосами, свободно распущенными по плечам. На ней было темное, строгое платье, какие носили в самом конце восемнадцатого века. Но больше всего Радугу поразили ее глаза — огромные, полные бездонной печали и такого одиночества, что сердце сжалось от чужой боли.

Протянув руку, Рада хотела дотронуться до отражения, и тут услышала голос. Тонкий, отчаянный, доносящийся будто из самого сердца зеркала:

— Лиза... Лиза...

Кто-то звал. Звал эту девушку. Звал ее...

Рада все глубже и глубже погружалась и в окутавшее ее горе, и в бездонные глаза незнакомки, и в этот полный тоски голос.

Очнулась она оттого, что кто-то бесцеремонно и даже грубо развернул ее, отворачивая от зеркала. В глазах все потемнело, но в следующую секунду Рада пришла в себя, очнувшись от морока.

Перед ней стоял Алексей, его лицо было бледным от тревоги. Он держал ее за плечи и всматривался в глаза.

— Рада! С тобой все в порядке? Ты меня слышишь?

— Да... Кажется.

— Я зову тебя зову, а ты не реагируешь. Что с тобой?

— Все нормально. — Она беспомощно моргнула, пытаясь отдышаться.

— Ты бледная, как полотно, — хмурился Иволгин. — Ты что-то увидела в зеркале?

— Нет.

Рада отстранилась и оглянулась. Там, в темной глади, отражалась она сама — испуганная, бледная, но это была она, Рада, а за ее спиной — Алексей. Больше никакой печальной девушки. Никакого чужого горя.

Ничего необычного. Просто зеркало... Просто морок...

— Что это было? — настойчиво допытывался Иволгин.

— Я... Просто закружилась голова. Здесь душно.

Она видела, что Алексей не верит. Его взгляд скользнул по ее лицу, затем по зеркалу, и в его глазах мелькнуло понимание. Он тоже что-то чувствовал в этом месте? Спрашивать, однако, Рада не стала.

— Тебе плохо. Пойдем, выйдем на свежий воздух, — сказал он твердо.

На этот раз Рада не стала спорить. Она позволила ему взять себя под локоть и повести к выходу из галереи, бросив на прощание быстрый, полный суеверного страха взгляд на черное зеркало.

Глава 10

Ольховка, 1812 год

Выпавший на днях снег растаял, превратив парковые дорожки Ольховки в хлюпающую грязь. Правда, ночью ударил легкий морозец, сковав землю хрупкой наледью, которая с хрустом ломалась под каблуками. Воздух был холодным, а бледное солнце совсем не грело.

Варвара, закутанная в теплую шубку с парчовой отделкой, украшенной искусной вышивкой и горностаевым воротником, шла под руку с поручиком Остроумовым. Она весело щебетала и указывала на узоры, которыми мороз причудливо украсил тонкий лед на лужах. Щеки девушки горели румянцем, глаза сияли, и вся она была воплощением юности, которой сопутствует беззаботная жизнерадостность.

Позади них, отставая метров на пять, плелась Лиза. Ее темный салоп казался неуместным, отталкивающим пятном на фоне яркой одежды Варвары. Впрочем, все ее наряды, по сравнению с одеждой кузины, были невзрачными да устаревшими. Еще бы! Лиза донашивал одежду, оставшуюся ей от покойной маменьки. Платья эти давно вышли из моды, и показаться в них на людях было стыдно. Но что поделать? Графиня Катерина Дмитриевна не радовала племянницу обновками, считая бессмысленным тратить на ее наряды.

— Зачем Лизе новые платья? — говорила она Ивану Платоновичу. — Ей уж двадцать шестой год пошел. Старая дева... — качала она головой. — Да и лицом вся в батюшку своего уродилась. Такую, как ни заворачивай в шелка, все равно не украсишь. Бесприданница.

Лиза шла, уткнувшись взглядом в землю: она боялась наступить в уже порядком раскисшую грязь и промочить ботинки на тоненькой подошве. «В такой холод надо бы валенки надеть», — угрюмо думала она.

Доносившиеся до нее взрывы смеха Варвары, шутки поручика Остроумова и их разговоры отзывались в сердце Лизы занозистой болью.

— Лизет, да догони же нас уже, ну что ты плетешься! — обернулась к ней Варвара, сияя улыбкой.

— Я... я иду, Варечка, иду, — тихо пробормотала Лиза, еще больше замедляя шаг.

Она знала свое место. Знала, что на прогулку эту ее взяли только для того, чтобы соблюсти приличия и не оставлять Варвару наедине с Дмитрием. Знала, потому и отставала, чтобы не мешать.

Лиза подняла глаза и увидела, как поручик наклонился к Варваре, понизив голос до интимного шепота, который, однако, долетел до Лизы.

— Когда же мы наконец останемся с вами наедине, Варвара Ивановна? Хоть на минутку. Варвара легкомысленно рассмеялась.

— Что вы такое говорите, Дмитрий Алексеевич? Как же можно оставить бедную Лизу одну? Ни за что! Она же заскучает. Право, поручик, вы несносны!

Лиза видела, каким полным обожания взглядом смотрел на Варвару Дмитрий, видела, как та кокетливо хлопала ресницами и дразнила его.

Снова обернувшись, Варвара опять позвала ее:

— Лизет, догоняй скорее, здесь уже не так скользко.

— Бегу, Варечка.

Улыбнувшись чрез силу, Лиза заспешила вперед, но тотчас же наступила на лед, и нога ее заскользила. Неловко всплеснув руками, она начала заваливаться назад.

— Осторожнее, Елизавета Митрофановна! — Поручик Остроумов ловко подхватил ее за талию, не позволив упасть.

— Спас... спасибо вам, — пробормотала Лиза, от смущения заливаясь краской.

— Ох, Лиза, вот бы грохнулась в самую грязь! — весело рассмеялась Варвара. — Вот бы маменька рассерчала!

Отсмеявшись, она, казалось, мгновенно утратила всякий интерес к кухне, по-хозяйски взяла Дмитрия под руку и сказала:

— Доктор сегодня сказал, что виконту де Клерману гораздо лучше. Со дня на день он сможет выходить в столовую и обедать с нами. Представляете?

Дмитрий нахмурился, его лицо, обычно светившееся обожанием при виде Варвары, вдруг стало серьезным.

— Варвара Ивановна, я все-таки не понимаю этой фамильярности. Почему вы должны пускать за свой стол этого француза? Разве недостаточно того, что вы дали ему крышу над головой?

— Ах, оставьте, Дмитрий! — Варвара махнула рукой. — Не уподобляйтесь маменьке. Здесь я полностью согласна с папá. Наш гость — виконт, а значит, он ничем не ниже нас по положению.

— И все же...

— Митя, миленький мой, вы же сами говорили, что нам, русским дворянам, нельзя упасть в грязь лицом перед французами. Пусть наш виконт и пленный, но все же он виконт.

Дмитрий взял ладонь Варвары и поднес к губам.

— Когда вы так ласково называете меня, мой ангел, я готов усадить за обеденный стол хоть десять — нет! — сотню виконтов, лишь бы вы были довольны!

Варвара рассмеялась и позволила поручику поцеловать свою ручку.

В этот момент Лиза, почти догнавшая их, собралась с духом и запыхавшимся голосом произнесла:

— Дмитрий Алексеевич... вы ведь будете на завтрашнем ужине? — выпалила она, и в глазах ее вспыхнула робкая надежда.

Поручик обернулся к ней с легким удивлением, словно позабыл о ее присутствии.

— Всенепременно, Лизавета Митрофановна, обязательно буду, — ответил он вежливо, но его взгляд тут же вернулся к Варваре. В его глазах снова вспыхнуло обожание, такое явственное и такое бесконечное, что Лиза, смутившись, опустила глаза. Вот бы на нее он посмотрел так. Хотя бы разочек!

Глубокой ночью, когда в усадьбе воцарилась тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра да треском дров в печке, Варвара, накинув на ночную сорочку теплый халат из тяжелого бархата, который летом привез ей в подарок дядя, Антон Платонович, любивший всякие диковины, на цыпочках спустилась по лестнице.

Она приоткрыла дверь в комнату виконта. В камине догорали угли, отбрасывая тусклый свет на его бледное, но уже не такое изможденное лицо. Его темные глаза были открыты и тут же устремились к вошедшей Варваре.

— Ah, te voilà, mon ange, — прошептал он хриплым голосом, еще ослабленным болезнью, в котором, однако, слышалось искреннее тепло и радость от встречи с девушкой. (Ах, вот и ты, мой ангел).

— Я не разбудила вас, месье? — тихо спросила Варвара, подходя ближе.

— Je ne dors jamais quand je sais que tu peux venir, — улыбнулся он. (Я никогда не сплю, когда знаю, что ты можешь прийти).

Она осталась стоять в дверях, боясь подходить ближе.

— Доктор говорит, вам лучше, и завтра вам позволено встать.

— C'est grâce à tes visites, ma chère. (Это благодаря твоим визитам, моя дорогая).

— Глупости, — тихо рассмеялась Варвара и выскользнула за дверь.

Она заглядывала к виконту каждый вечер, пока тот метался в горячечном бреду, но никогда не оставалась дольше двух минут. Теперь же, когда он полностью пришел в себя, делать это становилось опасным и непозволительным. Варвара пообещала себе, что прекратит эти визиты.

Поднявшись наверх, она почти столкнулась в темном коридоре с худой фигурой кузины и испуганно вздрогнула.

— Лиза! Господи, напугала! Что ты бродишь по дому, как привидение? Иди спать.

Она не стала ждать ответа и прошла в свою комнату, даже не обернувшись. Для нее эта встреча была ничего не значащей случайностью.

Лиза же стояла неподвижно, как статуя, глядя вслед кузине. Вот уже которую ночь подряд она следила за ней и видела, как Варвара выскальзывает из комнаты раненого француза. Разве такое можно? Разве так пристало вести себя благородной девице? Разве можно так позорить Ивана Платоновича? Это, наконец, бесчестно по отношению к Дмитрию Алексеевичу.

Вздохнув, Лиза медленно, словно в трансе, направилась вдоль темного коридора.

Она вошла в Зеркальную галерею. Длинный зал тонул во мраке, и лишь крошечный огонек ее свечи выхватывал из тьмы зеркала. Ее шаги эхом отдавались в мертвой тишине. Зачем она сюда пришла, Лиза и сама не знала. Эту комнату она никогда не любила и даже боялась. Еще одна причуда Антона Платоновича, брата графа Бессчастливого. Он зачем-то уговорил Ивана Платоновича сделать в доме эту диковинную комнату, а тот, на радостях, горя энтузиазмом брата, согласился.

Лиза прошла всю галерею и остановилась перед большим черным зеркалом в конце. Его поверхность, темная и бездонная, казалось, поглощала весь свет. Лиза подняла свечу так, чтобы ее собственное отражение проступило в зеркале, и увидела бледное, некрасивое, искаженное лицо, с глазами, полными невысказанной боли.

Она смотрела на себя долго-долго, а потом ее губы дрогнули, и она прошептала, обращаясь к своему отражению, к той несчастной девушке в стекле, которая была так же одинока, как и она сама:

— Лиза... Лиза... Никому-то ты не нужна... Никому...

Глава 11

Ольховка, наши дни

После утреннего происшествия в галерее Раде не хотелось снова приближаться к черному зеркалу, поэтому девушка решила, что большой беды не будет, если она займется документами, что были найдены в сундуке Скоробогатовым.

Она сходила к своей машине, взяла складной походный стул и, вернувшись в кабинет с черными стенами, устроилась посреди комнаты, поставив перед собой открытый сундук.

Надев тонкие латексные перчатки, Рада стала осторожно извлекать папки и альбомы. Они были разного размера и оформления и, очевидно, были составлены в разные времена. Кроме альбомов, в сундуке не было ни писем, ни дневников, ни каких-либо других документов, что вызвало у Рады легкое чувство разочарования. Ей бы хотелось не только увидеть наброски и эскизы, но и узнать побольше о людях, которые когда-то жили в усадьбе. А как еще это сделать, если не через личные письма или дневники?

Открыв увесистую папку с толстыми крышками, обтянутыми малиновым бархатом, Рада с удивлением увидела изящно выполненный, почти фотографический рисунок, в котором без труда узнала фасад Ольховки. В углу стоял год — «1803». Именно тогда вовсю шло строительство основного здания усадьбы. Видимо, граф Бессчастный приглашал художника, который и зарисовал новенький дом.

Рада принялась перелистывать страницы, на которых перед ней представляли интерьеры Ольховки. Это были детализированные рисунки тушью и акварелью, выполненные профессионалом. Вот бальный зал с его ныне несуществующими хрустальными люстрами, вот гостиная с мебелью, вот уголок библиотеки. «Да по этим рисункам можно полностью восстановить первоначальный вид имения, — подумала Рада. — И почему Скоробогатов не додумался заглянуть в альбомы? Тогда бы не было этих жутких оранжевых, черных и розовых красок, в которые выкрасили помещения первого этажа». Но дело было сделано, а Раде лишь оставалось лелеять надежду, что ей каким-то чудом удастся убедить нынешнего хозяина Ольховки исправить сотворенное в ней безобразие.

Она перелистывала страницу за страницей, как замороженная. Помимо интерьеров, там были эскизы парка — беседки, мостики, виды на реку, которые теперь изменились до неузнаваемости, ведь Оляша обмелела. Эти рисунки уже были выполнены другой рукой, менее точной, с большим художественным вымыслом, но тоже весьма удачно.

А потом Рада наткнулась на портреты. Сначала это были легкие, почти шаржированные наброски людей: дворовые, гувернантки, конюхи. Потом они стали более проработанными. Вот женщина лет сорока пяти с усталым лицом и строгим взглядом. Рада увидела подпись: «Графиня Катерина Дмитриевна». Под портретом жизнерадостного мужчины в офицерском мундире значилось имя Ивана Платоновича Бессчастного.

— Это же тот самый, кто и построил Ольховку, — вспомнила Рада.

Почти все портреты были подписаны. Видимо, кто-то умелой рукой зарисовывал домохозяев, но вот имени художника нигде не было видно. В самом конце альбома был рисунок кошки, клубочком свернувшейся на подушке. И вот здесь-то Рада и заметила аккуратные буквы: «Лизавета Богатырева, 1805 год». Это имя девушка встретила впервые, и оно не могло не вызвать в ней любопытства.

«Богатырева? — удивилась Рада. — Кто она? Родственница Бесчастных?»

Раде стало интересно. Она отложила этот альбом и взяла следующий, поменьше, датированный на первой странице одна тысяча восемьсот двенадцатым годом. Имя «Лизавета Б.» встречалось здесь под каждым рисунком. Видимо, художница, повзрослев, решила оставлять

подпись под своими работами. С каждой новой страницей, с каждой следующей работой рука художницы становилась все увереннее, линии — смелее, а светотень и перспектива — профессиональнее. Детские, робкие наброски сменились полноценными картинами. Вот акварельный портрет красивой девушки с живыми, смеющимися глазами и румянцем во всю щеку. На рисунке, помимо имени автора, стояло и другое: «Варвара». С другого портрета на Раду взглянул молодой офицер с заливатски закрученными усами — Дмитрий Остроумов. Еще один изображал другого офицера, и по цвету мундира Рада поняла, что он француз, а подпись подтвердила ее догадки — виконт де Клерман. Рада словно чувствовала отношение художницы к изображенному человеку: линии жесткие и неаккуратные, черты лица резкие, а глаза будто дьявольские.

Когда Рада перевернула еще одну страницу, рука ее замерла над рисунком. С листа на нее взирала цыганка. Черные длинные волосы, заплетенные в косы, были украшены лентами, а на лбу блестели кругляши золотых монет. Большие темные глаза смотрели с прищуром и будто бы с насмешкой. Подбородок цыганки был приподнят, и она словно бросала вызов тому, кто ею любит.

Рада ощутила, как по коже пробежал холодок. Девушка поежилась и только теперь осознала: в кабинете было так холодно, что у нее озябли пальцы. Отложив в сторону альбом, Рада кое-как сняла перчатки, подышала на ладони. Из рта ее вырвалось облачко пара. И почему она раньше не замечала этого холода? Надо было забрать сундук в сторожку, а не мерзнуть тут. Но откуда взялся этот холод? Почему раньше она его не чувствовала?

Вдруг Рада услышала скрип. Тихий, едва уловимый, он доносился сверху. Кто-то неспешно, будто прогуливаясь по пустым комнатам, ходил по второму этажу.

Сердце Рады замерло. Команда Иволгина, как и он сам, была на раскопах. Если бы кто-то вошел в дом, она бы услышала это. В усадьбе не должно было никого быть. Почувствовав неприятный холодок, поползший по позвоночнику к затылку, Рада осторожно поднялась со стула, отложила альбом и вышла в коридор. Полы наверху все еще поскрипывали. Звуки доносились из той части усадьбы, где располагалась зеркальная галерея и примыкавшие к ней комнаты.

Рада, стараясь ступать бесшумно, поднялась по лестнице. Теперь, однако, когда она очутилась здесь, на втором этаже царилась гробовая тишина, нарушаемая только биением ее собственного сердца. Она прислушалась. Ничего.

Заглядывая в открытые двери, Рада медленно прошла по коридору. Пыль, голые стены, остатки какого-то мусора. Девушка уже хотела вернуться, списав все на игру воображения, как заметила, что дверь в одну из дальних комнат приоткрыта и слегка поскрипывает на сквозняке. Наверное, этот звук она и слышала. Всего лишь скрипела дверь, распахнутая ветром, а ее воображение уже успело нарисовать бог весть что. Она приняла обычное в старом доме явление за чьи-то крадущиеся шаги. Возможно ли?

Удовлетворившись и успокоив себя таким объяснением, Рада подошла к двери и толкнула ее. Та с жалобным скрипом открылась сильнее. Взору Рады предстала небольшая, совершенно пустая комната, в которой царило запустение: кое-где старые обои отстали от стен и свисали рваными клоками. На окне болталась порванная занавеска. Под ногами скрипел почерневший от долгих лет паркет.

Единственным предметом, выбивавшимся из открывшегося Рады запустения, была небольшая акварельная картина в простой деревянной раме, висевшая на стене напротив двери. Картина висела криво, и Рада подошла, чтобы поправить. Сюжет был незамысловатым: ольховая роща в летний день, солнечные зайчики на траве. Подписи не было, но Рада узнала руку художницы, той самой Лизаветы Богатыревой, чьи работы она только что листала в альбомах.

Отчего-то сердце Рады наполнилось бесконечной тоской. Словно она и была этой Лизаветой, чей талант оказался ненужным и забытым.

Рада осторожно поправила картину, как вдруг за спиной раздался скрип. Испуганная, девушка обернулась, чувствуя, как сердце уходит в пятки, но тут же облегченно выдохнула. В дверном проеме показались двое — Динамит и Артем.

— Рада Сергеевна! А мы вас ищем! — весело крикнул Динамит, его громкий голос эхом разнесся по пустой комнате. — Алексей Андреевич сказал, вы просили помочь зеркала перетаскать. Мы свободны, командуйте — мы все сделаем!

Рада, все еще не оправившись от испуга, только и смогла, что кивнуть. Она бросила последний взгляд на акварель. Теперь картина висела ровно, но девушке показалось, что за деревьями на заднем плане затаилась густая тень, которой раньше там не было.

Глава 12

Ольховка, наши дни

Вечер, в отличие от предыдущих, выдался по-летнему теплым и безветренным. Аромат дыма от разведенного неподалеку от сторожки костра смешивался с запахом сирени таким ярким, что кружилась голова.

Археологи, закончив дневные работы, устроили импровизированный ужин. Динамит, взявший на себя роль главного по мангалу, с важным видом переворачивал шампуры с нанизанными на них сочащимися соком кусками мяса, которое заблаговременно сам же и замариновал. Остальные же расселись на бревнах и складных стульях вокруг огня.

Раду, конечно, тоже пригласили, и на этот раз она, после недолгого внутреннего сопротивления, согласилась. Сидеть одной в сторожке, копаясь в собственных мыслях, когда за окном будет гореть костер и раздаваться смех, было бы невыносимо. Несмотря на усталость, сковавшую ее после этого долгого и полного на события дня, Рада вышла к ребятам, которые наперебой заглядывали к ней и зазывали посидеть с ними.

Она устроилась чуть поодаль, вполуха слушая оживленные споры ребят. Кир и Артем горячо обсуждали стратиграфию культурных слоев под церковью. Веня и Маруся спорили о датировке найденных пуговиц, кажется, от мундира. Уж их-то спор Рада могла бы решить за три минуты, но вмешиваться ей не хотелось. Ребята и сами наверняка вскоре найдут, где искать информацию.

Вокруг раздавался громкий смех, то и дело слышались шутки. Кто-то рассказывал анекдоты. По всему чувствовалось, что эти люди не просто работают вместе — их связывает настоящая дружба. «Надо же, Лёшке удалось собрать такую крепкую команду», — думала Рада. А она? Она все пропустила. На фоне этого простого, почти семейного веселья, она с особой остротой почувствовала себя одинокой.

Слова Иволгина, брошенные ей сторяча, болезненно отзывались в сердце: «Одинокая, независимая и несчастная». Они висели теперь над ней как проклятие, от которого нельзя было избавиться. Самое ужасное заключалось в том, что Иволгин был совершенно прав. Что мешало ей вот так же просто смеяться, шутить, быть частью этой команды? Почему она всегда держала оборону, выстраивала стены, в каждом жесте и слове искала скрытый смысл или угрозу? Почему обязательно нужно быть одиночкой? Почему просто не расслабиться, не пошутить, не обрести друзей? Горечь подступила к горлу, и Рада, подавшись вперед, уперлась локтями в колени и обхватила голову.

Будто поняв, что ей плохо, Алексей подошел и молча протянул ей пластиковый стаканчик с лимонадом.

— Спасибо, — пробормотала Рада.

Он пододвинул свой стул к ней поближе и опустил на него. Рада покосилась на Иволгина. Черты его лица были освещены огнем костра, делая Алексея еще более красивым. Рада знала: если она сейчас поднимет голову и посмотрит по сторонам, то обязательно наткнется на взгляд Дианы, помощницы Иволгина, которая следила за каждым его шагом или жестом, словно коршун. Глупая, влюбленная девочка... Так много вокруг знаменитого археолога было воздыхательниц. Так много... И неужели она, Рада, всю жизнь должна его ревновать? А может, глупости это все? Может, пора прекращать быть ребенком? Ведь он любит ее. Любит! И она его любит. Что может быть проще и правильнее?

Будто бы зная ее мысли, Алексей, глядя на костер, тихо сказал:

— Жизнь, знаешь ли, намного проще, если не воспринимать ее как вечную борьбу.

Рада вздохнула и сделала глоток лимонада. Сладость напитка приятно легла на язык, горечь испарилась, а вот грусть, наоборот, нахлынула с новой силой.

— Думаешь, я неправильно живу? Что я сама все усложняю?

Алексей повернулся к ней, и Рада отметила, что он не смотрит на нее с иронией или, не дай бог, с насмешкой. В его глазах была лишь усталая нежность.

— Думаю, что если ты хотя бы на минуту позволишь себе быть просто счастливой, то у нас все еще может получиться.

Рада хмыкнула, пытаясь вернуть привычную защитную броню.

— Иволгин, ты, как всегда, только о себе думаешь.

— Нет, Рада, — он покачал головой и заявил совершенно серьезно, — в данный момент я думаю только о тебе. Я вообще никогда не перестаю о тебе думать, знаешь ли.

— Правда? — сорвалось с ее губ.

— Правда.

В воздухе повисло напряженное молчание. До них долетали отголоски разговоров, но словно не касались их, позволяя оставаться в некоем вакууме личного общения. Рада смотрела на Алексея, и все ее обиды и сомнения вдруг показались такими глупыми, такими детскими и такими безмерно хрупкими.

— Я все испортила, Лёш, — прошептала она, уставившись в костер. — Как после этого еще что-то может получиться?

— Я ничем тебя не обидел и не оскорбил, никак не предал, это ты должна понять. Все остальное решаемо.

— Зато я тебя обидела...

— Я уже все забыл, — улыбнулся он.

Они снова замолчали, а потом Рада тихо сказала:

— Я думала, ты и меня давно забыл.

Алексей поднял на нее глаза, и в них блеснул лукавый огонек.

— Забыл бы, вряд ли мы сидели бы сейчас здесь.

— Я так и знала! — воскликнула Рада. — Признавайся, Иволгин, это ты насоветовал Скоробогатову обратиться ко мне во второй раз.

Он засмеялся.

— Да. Я знал, что если Скоробогатов найдет нужные слова, то эта работа тебя зацепит. Думаешь, зря?

Алексей не отрываясь смотрел в глаза Раде, и она призналась:

— Нет... Знаешь, я рада, что я здесь.

Интимность момента грубо нарушил Веня, с шумом появившийся перед ними с двумя шампурами.

— Лёша! Рада Сергеевна! Берите, пока горячее! Динамит шедевр сотворил!

— Ему бы в повара, а не в археологи, — смеясь, крикнула Маруся.

Алексей улыбнулся, и Рада ответила ему совершенно искренней улыбкой. В душе ее разливалось давно забытое тепло. Она ела шашлык и думала: может, Лёша прав, и не нужно ничего усложнять. Может, все очень просто.

Разговор за костром постепенно перекинулся на общие темы, смех снова стал громким, а обсуждения — горячими.

И тут свой вклад в общую атмосферу внесла Диана. Она сидела, нахохлившись, и вдруг сказала, обращаясь ко всем, но глядя на Иволгина:

— Вы знаете, я вчера поздно вечером выходила из сторожки и видела в усадьбе, в одном из окон на втором этаже, какую-то женщину.

Все разом замолчали.

— Какую еще женщину? — нахмурился Кир.

— Не знаю, — пожала плечами Диана. — Она стояла у самого окна, в черном платье. Я сначала подумала, что это Рада... Сергеевна, но силуэт был какой-то другой. И платье как будто старинное.

— Рада Сергеевна не носит старинных платьев, — сказал Веня.

— Рада Сергеевна вообще платьев не носит, — пробормотала я так тихо, что услышал меня только Иволгин, и усмехнулся.

— Тебе почудилось, — улыбнулась Маруся, но голос ее дрожал. — В этих старых домах всегда что-то чудится...

— Я не чокнутая и не мнительная, — грубо осекла ее Диана. — Я точно видела в окне какой-то странный силуэт.

— Может, кто-то залез в дом? — предположил Артем.

— Нет, — уверенно парировала Рада. — Я вчера вечером запираю входную дверь, и утром она оставалась запертой.

— Странно, — пробормотала Диана. — Но я точно там кого-то видела. Эта женщина... Она просто стояла и смотрела в окно.

Маруся испуганно прошептала:

— А что, если это... призрак? Может, призрак той самой цыганки, которую мы нашли? Парни разом хмыкнули, пытаясь сбросить напряжение шутками.

— Привидения? Да ладно тебе, Марусь, ты же ученый человек! — засмеялся Динамит.

— Любите вы, девчонки, всякую мистическую белиберду, — рассмеялся Веня.

Ребята принялись обсуждать возможность существования призраков и откалывать шуточки.

Но Рада и Алексей не смеялись. Они переглянулись, и в их взгляде было полное понимание.

Когда они доели шашлык, Алексей предложил Раде пройтись до усадьбы.

— Что думаешь о словах Дианы? — спросил он ее.

— Думаю, это просто плод ее воображения, — поспешно ответила Рада.

— Такой же, как в Хворостино?

— Положим, в Хворостино мы и правда столкнулись с кое-чем необычным, но... — Рада задумалась. — В усадьбе Алексея и Елены, в Подмосковье, не было ничего такого.

— И какое же вывод ты из этого сделала, мой милый скептик?

Раде тут же захотелось огрызнуться на такое обращение, но она сдержала себя. «Нужно меняться, нужно меняться, пока еще не поздно», — убеждала она себя.

— А вывод такой. Я бывала и работала во многих старинных домах, и почти нигде нет привидений. Так что это скорее исключение из правил, чем закономерность.

— Но это твое исключение не исключает возможность, прости за тавтологию, что Диана и правда видела призрака.

— Призрака кого? Цыганки? — скептически спросила Рада.

Они остановились перед темным зданием усадьбы. Оба вскинули головы, всматриваясь в оконные проемы, но так ничего и не увидели.

— Кстати, о цыганках. Я нашла сегодня в сундуке старые альбомы, в них портреты, — сказала Рада. — Среди них есть рисунок цыганки. И знаешь... Ее украшения очень похожи на те, что вы нашли на раскопках.

— Как интересно, — пробормотал Алексей. — Покажешь?

— Конечно, только сундук нужно перенести из усадьбы в сторожку. Там мне будет удобнее по вечерам работать с документами.

— Так давай перенесем, — обрадовался Алексей, дернувшись в сторону дома.

Рада остановила его, ухватив за руку.

— Давай завтра, — сказала она, и в ее голосе прозвучала неуверенность, граничащая со страхом. — Слишком поздно. Я... я не хочу туда сейчас.

Он внимательно посмотрел на Радугу, ожидая объяснения, но она промолчала, а Алексей не стал настаивать.

— Как скажешь, — мягко проговорил он и, просунув руку Радуге под свой локоть, повел ее назад.

Глава 13

Ольховка, наши дни

Рада, нахмурившись, склонилась над старым зеркалом, которое накануне ребята помогли ей перенести из зеркальной галереи в помещение, где установили длинный стол. На него-то зеркало и водрузили.

Теперь, при дневном свете, который вливался в помещение из трех больших окон, Рада могла действовать более свободно. Впрочем, сковывали ее не условия, а некоторый трепет перед предстоящей работой. Ее основная специализация — реставратор-архитектор. Но в дополнение к этому Рада освоила и более узкую направленность: прошла отдельное обучение по реставрации предметов старины, таких как мебель, текстиль, стекло и зеркала. Однако ей впервые предстояла такая масштабная работа: восстановление целой зеркальной галереи.

Надев очки, Рада тщательно осмотрела отражающую поверхность. Зеркало было сильно порченным, а значит, предстояло повозиться.

Для начала Рада провела фотофиксацию. Она сделала десятки снимков зеркала под разными углами, зафиксировав каждую трещину, каждый скол амальгамы, каждый пузырек воздуха под позолотой рамы. Затем она приступила к очистке. Мягкой кисточкой Рада смахнула легкую пыль, недавно осевшую на стекло. Для удаления более стойких загрязнений пришлось приготовить специальный раствор. Его Рада стала наносить тампоном из безворсовой ткани, с бесконечным терпением, сантиметр за сантиметром, очищая грязь так осторожно, чтобы не давить сильно на хрупкую поверхность.

Позже ей предстояло точно так же, кропотливо, шаг за шагом очистить позолоченную раму, для чего придется использовать специальный ластик-клячку, который, как пластилин, впитывал в себя частицы грязи, не повреждая тончайший слой позолоты.

Поначалу Рада с головой ушла в работу, полностью растворившись в процессе. Это было ее любимое состояние, когда весь мир оставался где-то далеко-далеко, а она оказывалась в некоем вакууме, где существовали только ее руки, старинное стекло и тишина, нарушаемая лишь ее собственным дыханием. Это был ее мир. Предсказуемый, подконтрольный и понятный. Она могла пребывать в нем часами, забывая о сне и еде.

Но сегодня ей удавалось это с трудом, потому что с каждой минутой внутри ее сознания нарастало другое чувство, сродни пульсирующему тяготению. Раду, словно огромным магнитом, тянуло к черному зеркалу, что стояло в центре Зеркальной галереи.

Она пыталась сопротивляться, углубляясь в изучение мельчайших трещинок, но образ печальных глаз девушки в старинном платье всплывал перед ней снова и снова. А вместе с ним — тихий, полный отчаяния зов, который она слышала вчера. Лиза...

Рада отмахивалась от этих мыслей и от этого зова, словно от надоедливой осы, которая не просто кружила рядом, но и жалила ее.

В конце концов, девушка не выдержала. Отложив инструменты, она схватила мягкую тряпку с нанесенным на нее раствором для очистки зеркал, и направилась в галерею.

Дверь скрипнула, впуская ее в прохладный полумрак. Рада щелкнула рубильник, и в помещении вспыхнуло лампочки. Они несколько раз моргнули, но все же не погасли. Отчего-то свет их был тускл, будто сама галерея, а может, зеркала поглощали его.

Рада медленно, словно загипнотизированная, подошла к черному зеркалу. Здесь тьма становилась будто гуще и осязаемей. Тусклый свет сюда почти не долетал — самая ближайшая лампочка перегорела.

В старинном зеркале ничего не отражалось, и Рада начала тереть его, убирая слой въевшейся пыли. И если вчера ей с трудом отдалось расчистить крошечное пятно, то сегодня все было иначе. Зеркало словно само мечтало освободиться от вековой грязи, и вот уже через

несколько минут Рада различила в нем свое отражение и зыбкие очертания других предметов, что находились неподалеку. «Видимо, это и правда обсидиан, — подумала Рада. — Слишком уж нечетко это зеркало отражает людей и вещи».

Вдруг поверхность черного зеркала задрожала, будто по нему пошли волны. Рада замерла, всматриваясь в глубину. А потом ей послышался слабый, едва слышимый голос, доносящийся из черноты стекла:

— Лиза... Лиза...

Голос был тонким, просящим, полным невыразимой тоски.

Рада попыталась отступить на шаг, но ноги не слушались ее, и теперь, когда поверхность зеркала успокоилась, из его нутра проступило другое отражение. Рада больше не видела себя. Оттуда, с той стороны мутного стекла на нее смотрело чужое лицо. Бледное, с невыразительными чертами, лишенными какой-либо привлекательности, и огромными, полными отчаяния глазами. Пожалуй, только эти глаза и оживляли такое невзрачное лицо. Они были голубыми, словно весеннее небо, и полны такой боли, что сжималось сердце. Русые волосы девушки были жидки и распущены, небрежно падая на плечи. Черное платье сидело мешковато, подчеркивая ее худобу.

Она смотрела прямо на Раду. В ее взгляде не было угрозы, а была мольба, бездна одиночества и просьба о помощи. Медленно, словно сквозь толщу вязкого киселя, она подняла руку и протянула ее к Раде. Девушка беззвучно шевельнула губами, силясь что-то сказать.

— Кто ты? — прошептала Рада, застыв на месте.

Девушка в зеркале дернулась, словно испугавшись, и сморгнула, а потом пробормотала:

— Лиза... Лизавета...

Она шагнула вперед и подошла вплотную к стеклянной границе, которая еще отделяла ее мир, зазеркальный, от этого. Она уперлась ладонями в зеркало, и Раде показалось, что поверхность прогнулась под этим давлением, как натянутая пленка. Лицо Лизы исказилось от отчаяния. Она все водила и водила ладонями по стеклу, и Рада, не отдавая себе отчета, вдруг протянула руку и, раскрыв ладонь, тоже положила ее на зеркало.

Девушка на той стороне приложила свою ладонь в то же место, что и Рада, и последняя ощутила, как на нее пахнуло могильным холодом. Испуганная, Рада отдернула руку. Но девушка в зеркале потянулась за ней, и ее ладонь прошла сквозь невидимую преграду.

Рада застыла в параличе ужаса. Она видела прямо перед собой серую руку, видела черные ленты вен под прозрачной кожей, видела синюшные, как у покойника ногти, которые готовы были впиться в нее...

Глава 14

Ольховка, наши дни

Эта рука тянулась к Раде, и вот тонкие пальцы уже готовы впиться в запястье девушки и утянуть ее внутрь, в эту черную, бездушную пустоту зазеркалья...

— Рада! Ты где?

Откуда-то издалека, словно из-под толщи воды, раздался знакомый и такой родной голос. Рада встрепенулась и с криком отпрянула от зеркала. Споткнувшись обо что-то на полу, она не удержала равновесия и упала, приземлившись на пятую точку.

Когда Рада снова взглянула в зеркало, то не увидела ничего кроме его гладкой мутной поверхности и своего зыбкого отражения.

Не помня себя от страха, она вскочила на ноги и бросилась прочь из галереи. Дверь за ней захлопнулась с таким грохотом, что с потолка посыпалась штукатурка. Лишь краем сознания Рада отметила, что дверь она не трогала, не потянула на себя, чтобы закрыть. Она лишь выскочила в нее, а та закрылась сама, будто кто-то недовольный ее вмешательством стремился выгнать Раду вон, отгородить ее от галереи.

Завернув за угол, Рада почти врезалась в Алексея. Он как раз шел в ее сторону, продолжая звать.

— Рада? Что случилось? Ты, кажется, кричала? — обеспокоенно спросил Иволгин.

Она, запыхавшись, уставилась на него. Даже полумрак, царивший в коридоре, не мог скрыть от Алексея испуганных глаз Рады.

— Ничего... — выдавила она, едва переводя дыхание. — Все нормально...

— Да брось! — Он шагнул к ней, взял за плечи и заставил посмотреть на себя. — Ты бледна, как сама смерть, и вся дрожишь. А ну-ка, пошли отсюда.

Он не стал слушать возражений, взял ее под локоть твердой рукой и потащил в сторону лестницы. Впрочем, Рада и не сопротивлялась. Наоборот, она с облегчением приняла помощь и наконец-то выдохнула.

Свежий воздух, благоухающий весенними цветами и хвоей, заставил Раду полностью прийти в себя и скинуть морок видений. Она часто моргала, все еще не веря, что на улице сияет солнце, а по небу лениво ползут облака. Там, в зеркальной галерее, мир был совсем иным, пропахшим пылью, воском, тоской и страхом.

— Пройдемся? — предложил Алексей, и Рада согласно кивнула.

Они сошли с крыльца и направились по тропинке, что бежала через заросший парк.

— Давай не пойдем через ваш раскоп, — взмолилась Рада.

— Конечно, вот здесь есть еще одна дорожка, обойдем с другой стороны, — понимающе кивнул Алексей.

Некоторое время они молча шли рядом. Со стороны могло показаться, что они куда-то спешат — так быстр был их шаг, но по мере удаления от усадьбы, поступь их замедлялась, и волнение Рады отступало.

Иволгин не задавал никаких вопросов, давая ей возможность прийти в себя. Она же чувствовала, как у нее начала раскалываться голова от навязчивых мыслей, главной из которых был вопрос: что произошло с ней перед тем зеркалом? Это было видение? Галлюцинация? Или она погрузилась в неожиданный сон и увидела кошмар? Ей почудилась и та девушка, и ее зов, и рука, что высунулась из-за черного стекла и потянулась к ней? Показалось? Или же все это произошло наяву?

Рада поежилась и скрестила руки на груди, пытаясь совладать с пробивавшей ее дрожью.

Когда они вышли на берег Ольши, где тихая вода, журча, огибала камни и отражала синее небо и заросли шиповника, Иволгин остановился и повернулся к Раде.

— Пришла в себя? — спросил он.

— Я и не была не в себе, — ехидно ответила она, надевая на себя свою обычную маску.

— Не хочу с тобой спорить по мелочам, — мягко сказал Алексей. — Давай, рассказывай. Что там произошло?

Рада отвела глаза в сторону, понимая, что, сколько бы она ни хорохорилась, но Иволгина ей не провести. Он слишком хорошо ее знал. И он не отстанет, пока не докопается до правды.

Она провела ладонями по лицу и потеряла веки, будто пытаясь избавиться от только что увиденных ею картин.

— Сначала я работала с зеркалом, которое вынесли из галереи, а потом пошла туда. Меня словно магнитом влекло, и я слышала голос, — призналась Рада.

— Голос? — нахмурился Алексей.

— Да, будто кто-то звал и постоянно говорил: «Лиза, Лизавета». — Рада взглянула на него. — Думаешь, я совсем чокнулась?

— Нет, конечно, — заверил он Раду. — А что было потом?

— Я увидела ее в зеркале. Девушку. Она была такая бледная, такая несчастная. Она тянула ко мне руки и все повторяла это имя. Лиза. Лиза. Лиза.

— Подожди. Ты ее увидела в галерее?

— Да, если быть точнее, я ее увидела в том черном зеркале, что стоит в самом конце помещения.

— Жуть, — пробормотал Алексей.

— Это еще не все, — вздохнула Рада. — Эта девушка, она начала трогать зеркало с той стороны, и я сделала то же самое. Положила ладонь на стекло и коснулась его. А потом... — Рада замолчала, пытаясь совладать с вновь охватившим ее ужасом.

— Что было потом, Рад?

Она с отчаянием посмотрела на Алексея и выпалила:

— А потом ее рука будто рассекла невидимую преграду и потянулась ко мне... Ну, в том смысле, что ее рука вылезла из зеркала и почти коснулась меня.

— Твою ж... — выругался Иволгин. — Это как в каком-то жутком кино.

— Несмешно, Лёш, я реально испугалась. Я — и испугалась, понимаешь?

— Я вовсе не смеюсь над тобой, Рада. — Он взял ее ладонь в свою и чертыхнулся: — Да ты замерзла.

— Не замерзла я.

Алексей вдруг притянул девушку к себе и крепко обнял.

— Иволгин, я тебе про свои видения рассказываю, а тебе лишь бы нарушить мое личное пространство? — не очень рьяно возмутилась Рада.

— Нет, я просто хочу тебя согреть.

Вздыхнув, Рада уткнулась носом ему в грудь и обвила Алексея за талию. Господи! Как же она соскучилась по нему!

— Я вот теперь думаю, реально ли я это видела или мне все это почудилось, — тихо проговорила она.

— Не знаю, но зеркала порой творят с нами странные вещи. Они ведь как грань между мирами.

— Я не верю во всю эту чушь.

— Помнится, в усадьбе Хворостинных ты тоже ни во что не верила, — хмыкнул он.

— Это был особый случай, — возразила Рада и отстранилась.

Не сговариваясь, они медленно пошли обратной дорогой. Рада начала рассуждать вслух:

— Даже если то, что я видела, было просто иллюзией, игрой воображения, то у нас есть кое-что материальное.

Иволгин покосился на нее.

— Кое-что материальное?

— Да, имя. Лиза. Или Лизавета. Я его уже встречала.

— Где?

— В сундуке с альбомами. Там куча рисунков, подписанных некоей Лизаветой Богатыревой, — объяснила Рада. — А еще есть даты. Кажется, начиная с тысячи восемьсот пятого года и до тысячи восемьсот тринадцатого.

— Думаешь, твоя Лиза из зеркала — это и есть художница?

— Вполне возможно. В любом случае, наверное, несложно будет выяснить, кто такая Лиза Богатырева, жившая в семье графа Бессчастливого в те годы.

— Звучит как план, — улыбнулся Алексей. — Узнаем, кто она и что с ней стало.

— Не уверена, что мне все это надо, — вдруг пошла на попятную Рада. — Я ведь сюда приехала галерею реставрировать, а не искать неизвестных родственников Бессчастливых и не общаться с призраками!

— Рада, — Алексей остановился и серьезно посмотрел на девушку, — раз ты видишь эту Лизу в зеркале, раз она идет на контакт именно с тобой... Значит, она хочет, чтобы ты о ней узнала. Ты не можешь это игнорировать.

Рада смотрела на него с сомнением, но в глубине души знала: Иволгин прав, и она теперь вряд ли успокоится, пока не найдет хоть какую-то информацию про эту Лизу.

— Лёш, мне страшно, — призналась она шепотом, сбросив наконец все маски. — В Хворостино было жутко, было непонятно... но так, как сегодня у этого зеркала... Такого там не было никогда. Эта девушка в зеркале... — Рада сглотнула. — Она будто живая, и она словно хочет чего-то.

— Давай разберемся в этом вместе, ладно? — Он заглянул ей в глаза, пытаясь вселить в Раду свою уверенность, и она кивнула.

— Тогда пойдем, я обещала показать тебе рисунок цыганки. Рисунок руки Лизы Богатыревой...

Глава 15

Ольховка, 1812 год

Сильный осенний ветер, первый предвестник зимы, разогнал рваные тучи и позволил показаться солнцу, которое не видели в Ольховке уже несколько дней. Теперь его робкие лучи лежали на паркете золотистой дорожкой, в которой плясали мириады пылинок.

Лиза сидела в маленькой гостиной второго этажа у самого окна, склонившись над небольшим альбомом. Комната была нетопленная, но оттого ли, что ее окна выходили на южную сторону, или же потому, что сюда заглядывало солнце, было не так зябко.

Занеся над белым листом руку с зажатым в ней карандашом, Лиза долго размышляла, какой штрих сделать первым. Перед ее мысленным взором стояло лицо с резкими чертами и темными пронзительными глазами. Наконец, решившись, Лиза опустила карандаш на бумагу. Рука будто сама, не управляемая никем, только лишь силой мысли, повела линию, и вот появился упрямый подбородок, высокий лоб... Девушка погрузилась в работу, позабыв о времени, и только когда дверь с шумом распахнулась, она вздрогнула испуганно и выронила карандаш.

— Лизет, вот ты где! А я тебя везде ищу! — звонко выкрикнула Варвара, словно шквал ветра, врываясь в помещение. — Что это ты тут подделываешь одна?

— Да вот, на солнышке греюсь, Варечка, — робко улыбнулась Лиза и захлопнула альбом, не желая, чтобы кузина видела, кого она рисует.

Но именно это движение и привлекло внимание Варвары. Она, с любопытством сверкнув глазами, уже подлетела к Лизе.

— Рисуешь? Ну-ка, покажи, что ты там изобразила!

— Это пустяки, Варечка, ничего интересного... — залепетала Лиза, прижимая альбом к груди.

— Раз пустяки, тем более покажи. Прошлый раз ты отлично маменьку нарисовала. Вот уж она досадовала, какой злой ты ее изобразила! — со смехом воскликнула Варвара и играючи выдернула альбом из слабых пальцев кузины.

— Варенька, отдай, пожалуйста! — взмолилась Лиза.

Но Варвара уже открыла альбом на последней странице и теперь с интересом рассматривала рисунок. Ее улыбка стала шире, а в глазах вспыхнуло озорное веселье.

— Ого! Да это же наш дорогой гость! Виконт де Клерман! — Она рассмеялась звонко, словно колокольчик, а Лиза покраснела до корней волос. — Батюшки, Лизет, да он у тебя на самого чёрта похож! Рога, кажется, только не дорисованы! Дай-ка мне карандаш, я подрисую! — веселилась Варвара.

— Не смейся так, — тихо, но с неожиданной твердостью произнесла Лиза. — Он и вел себя вчера за ужином подобающе разве что дьяволу. Надменный, холодный... Всю трапезу строил из себя оракула.

Варвара перестала смеяться и с искренним удивлением уставилась на кузину.

— Чем же он тебе так не угодил? Он галантен, остроумен, очень хорош собой... Настоящий француз, Лизет!

— Зато тебе, Варечка, он, вижу, очень даже угодил, — тихо выдохнула Лиза, не поднимая глаз.

Голос ее прозвучал язвительно, хоть она того и не желала, и это не укрылось от чуткой натуры Варвары. В комнате повисла тишина. Веселая улыбка сползла с лица кузины, уступив место настороженности и легкому раздражению, с которым она теперь смотрела на Лизу.

— Ты на что это намекаешь, Лизавета? — спросила она.

— Ни на что. Просто заметила, что вы с ним очень... очень уж любезничали.

— Любезничала? — деланно рассмеялась Варвара. — Я лишь была вежлива. Не сидеть же прокисшей квашней, как ты.

Лиза на этот раз не смогла проглотить оскорбления и снова уколола кузину.

— Не только любезничали, но и кокетничали. Что Дмитрий Алексеевич-то скажут, если увидят? — Лиза рискнула поднять глаза на Варвару.

Та нахмурилась, сдвинув брови. Во взгляде ее появилось привычное раздражение, которое она проявляла каждый раз, когда была чем-то недовольна.

— Дмитрий Алексеевич вчера даже не посчитал нужным почтить нас своим визитом, сославшись на дела в полку. Почему меня должно заботить, что он подумает или скажет? — Варвара резко закрыла альбом и швырнула его на диван. — Да и тебе-то какое дело, Лизонька? Лучше о себе пекись.

Лиза потупилась, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слезы.

— Я не хотела тебя обидеть, Варечка. Я лишь забочусь о твоей репутации. Ты моя кузина, и я тебя люблю... — пролепетала Лиза, не желая и дальше злить Варвару.

— Лучше бы о своем замужестве побеспокоилась, — отрезала Варвара, и ее слова, словно хлыстом, разрезали воздух. — А то сидишь тут, киснешь над своими каракулями, то виконта рисуешь таким исчадием ада, то вот цыганку... Лучше бы к балу готовилась! Платье бы подобрала, прическу выдумала! Глядишь, кто и позарился бы на тебя.

Лиза обидные слова даже не расслышала, а лишь заморгала, пытаясь осмыслить то, что сказала ей Варвара.

— К... к балу? Какому балу?

Раздражение на лице Варвары тут же сменилось сияющей, беззаботной улыбкой. Она снова стала прежней легкомысленной Варей.

— Да, представь! — радостно зашебетала она. — Папенька сегодня утром обещал! Говорит, раз уж в доме такой знатный пленный гость, надо поддержать бодрость духа и дать бал на следующей неделе! Все окрестное общество соберется! Не правда ли, он у нас умница, наш папенька? — Варвара захлопала в ладоши. — Мне срочно нужно к маменьке, нужно новое платье успеть сшить! Не сиди тут, выйди к людям!

Последнее Варя выкрикнула уже на ходу, вихрем вылетая за дверь гостиной. По коридору прошуршали ее юбки, разнесся звонкий голосок.

Лиза, вздохнув, опустилась на стул. Сколько же в Варварушке энергии. Ей бы, Лизе, хоть бы крупицу задора кузины. Все-то у Вари легко, все-то у нее весело, все-то ладится...

Покосившись на брошенный в угол дивана альбом, Лиза покачала головой, поднялась и бережно подняла его. Открыла на одной из страниц, с которой на нее смотрела цыганка. Та самая, которую на днях они встретили у берега Олыши. Варвара уговаривала Лизу пойти в табор, найти цыганку и погадать, но Лиза ни в какую не соглашалась. Больше, чем французов, она боялась цыган с их странными, тревожащими душу песнями, звенящими украшениями, черными, словно дикими, глазами...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.